

Своя

журнал
Никиты Михалкова

СКРИЖАЛИ ДЛЯ СЛАВЯН

1190 лет назад
родился создатель
нашей письменности

Обратной дороги нет

Как рвался к полюсу
Георгий Седов

Никого, кроме Тэффи!

Ее любили Николай II
и Ленин

Товарищ Шурик

О феномене актера,
которого поглотил
персонаж

СОМНЕВАТЬСЯ в величии русского народа, с особенною глубиною философского и художественного раздумья мучившегося над вопросами своей сущности и судьбы, русским людям не приходится. Ясно, что у него есть своя великая идея и своя трудная миссия...

СЕЙЧАС в Европе свободой называется все, что угодно, но только не свобода. Право раздувать «мировой пожар»... право разжигать националистические самолюбия меньшинств в чужих странах... право отменять веру в целях спасения пролетариата от опиума... — все это оправдывается именем свободы. Словом «свобода» современность очень точно очерчивает место столпотворения всяческой «лжи во спасение», никого, конечно, ни от чего не спасающей, но зато всюду раскрепощающей зло.

Федор Стенун (1884–1965)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Надежная опора	29–33	Синергия
Под сереньким ситцем тихих небес
Чем Константин Паустовский
обязан Исааку Левитану
3–7	Корневая система
Скрижали для славян	34–37	Русский характер
Огненный экипаж
Героическая четверка
Николая Гастелло
8–11	Философ о философе
Избранник Каллиопы,
служитель Мельпомены
Федор Степун: трибуны,
кафедры, подмости	38–40	На семи холмах
Мы помним, мы гордимся
Общенациональному мемориалу
у Кремлевской стены — ровно полвека
12–15	Служу России
Обратной дороги нет	41–43	Родная лира
Эй, встречай, с Победой поздравляй
Притягательная сила
ошанинских строчек
16–19	Чужой среди своих
Профессиональный украинец
Ляпсусы и курьезы истории
по Костомарову	44–47	Стоп-кадр
Товарищ Шурик
20–24	Родное слово
Никого, кроме Тэффи!
Ее любили Николай II и Ленин	48	Трапезная
Где щи, тут и нас ищи
25	Книжная палата		
26–28	Литфонд
Его сиятельство герцог Арлекинский
Вспоминаем Игоря Северянина		

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

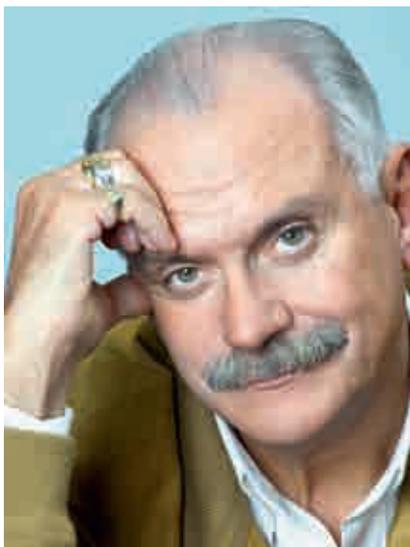
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 40 000

Подписано в печать 17 апреля 2017 г.

Надежная опора

Еще в нулевые я заметил, как из лексикона российской интеллигенции постепенно исчезает слово «духовность». Это неудивительно. Мы прошли через сугубо прагматический, циничный, как бы сознательно избавлявшийся от идеалов период бытования страны, и теперь разглагольствования о высоких материях выглядят в глазах многих наших сограждан, особенно молодежи, неким анахронизмом, чуть ли не чудачеством.

С другой стороны, прежде о духовности говорили так часто и невпопад, что слышать подобные рассуждения порой бывало неловко. От умеренного употребления слово не то чтобы обесценилось — покрылось налетом пошлости. Под ним зачастую подразумевались вещи, имеющие отношение к эстетическому воспитанию, образованности, начитанности, но никак не к духовной сфере. Между тем ни само понятие, ни то человеческое качество, которое в нем отражается, менее актуальными в XXI веке не стали. Скорее наоборот.

Наша отечественная культура по своему характеру и происхождению глубоко духовна. Ее изначальные корни — письменность, оставленная нам в наследство святыми Кириллом и Мефодием, и первые русские, духовные в прямом смысле этого слова, книги. Православная корневая система позволила развиваться, по выражению классика, великому и могучему, правдивому и свободному языку, столь же великой и могучей литературе, самобытной философии, уникальному искусству и уже более тысячи лет поддерживает наше национально-историческое бытие.

К растущему дереву прививались время от времени побеги иных культур, прежде всего европейской, но привои, сколь бы сильными они ни были, не меняли главных свойств многовекового исполина со здоровыми, мощными, православно-христианскими — еще раз подчеркну — корнями. Эти факты и обстоятельства, вроде бы подзабытые, однако по-прежнему существенные в годы официального атеизма, прямо указывают — что именно нам следует понимать под словом «духовность». Становится понятным, почему Федор Достоевский твердо заявлял, что «русский» и «православный» — слова-синонимы, а Василий Розанов ему категорически вторил: «Человек без веры мне неинтересен».

Посмотрите: в начале войны, в преддверии, казалось бы, неминуемой катастрофы государство, доселе рушившее православные храмы, без счета казнившее священников, прихожан, вдруг обратилось за помощью к Церкви. Потребовалась крепкая, проверенная столетиями духовная опора.

Однако великая война была не единственным — и не последним — испытанием России. Сегодня мы не имеем права осквернять беспамятством ни нашу историю, ни русскую культуру. Вопрос «Кто мы, откуда мы?» должен звучать у нас постоянно и повсеместно. И ответ на него надо давать четкий. В противном случае это возьмутся разъяснять другие, чуждые нам толкователи.

A handwritten signature in black ink, consisting of a series of fluid, connected loops and strokes, characteristic of a personal signature.

Скрижали для славян

В этом году отмечается 1190 лет со дня рождения святого равноапостольного Кирилла, давшего нам первооснову национальной письменности — славянскую азбуку. Насколько важны для соотечественников связанные с этим исторические вехи? Казалось бы, вопрос из разряда досужей риторики, однако в действительности не все так однозначно. Например, с наступлением эпохи гласности в СССР и позднее в Российской Федерации (не говоря уж об отколовшихся республиках) приверженцы далеких от православия взглядов громко выражали сомнения по части ценности нашего общекультурного базиса.

Валерий Шамбаров

ПИСЬМЕННОСТЬ у славян существовала задолго до принятия христианства. Черноризец Храбр упоминал о письме с помощью «черт и резов», славянских рун, состоящих из прямых линий, без закруглений. В IV веке св. Иероним разработал славянский алфавит в Далмации. В VIII столетии византийская императрица св. Ирина, заключая мир с болгарами, велела составить для этого народа азбуку. Широкого распространения данные виды письма не получили. Вероятно, какой-то из них дошел до нас как глаголица. Однако ее символы чересчур сложны, вычурны. Ими трудно записать большой текст. Да и для бытовых нужд неудобно вырисовывать затейливые завитушки. Известно, что славяне пользовались и греческими, и латинскими буквами, слова ими строчили обычно на слух, без всяких правил.

В 843 году Византия преодолела ересь иконоборчества. Попыталась вернуть единство своей церкви с западной. Не тут-то было. Римские папы уже всюю окормляли европейских королей, ставя собственную власть выше светской. От греческой церкви они требовали подчинения, признания себя заблудшей овцой. Патриарх Фотий, видный богослов и мудрый государственный деятель, уразумел: конфликт имеет не духовную, а политическую подоплеку. И сам обвинил Рим в трехязычной ереси: западная церковь разрешала богослужения лишь на латинском, греческом и древнееврейском языках. Фотий опроверг право пап возвышаться над мирской властью, нашел у латинян еще ряд отклонений от христианских догматов. При этом сделал ценный для себя и единоверцев вывод: Святой престол и западные монархи используют веру для распространения политического влияния на другие народы. В противовес латинской принялся создавать мировую византийскую систему, налаживать связи с церквями Грузии, Армении, Сирии.

В 861-м хазарский каган, стремившийся восстановить испорченные отношения с Византией и мусульманскими странами, предложил провести у себя диспут между богословами разных религий. Константинопольскую миссию возглавил любимый ученик Фотия Константин

ФОТО: АЛЕКСАНДР КИРЯЖЕВ/РИА НОВОСТИ

Крестный ход в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры в Новосибирске

Философ, в монастыре Кирилл. Он, к слову, был талантлив не только как ученый, но и как дипломат. С ним отправился на диспут брат Мефодий. Оба выросли в Солуни, где проживало немало славян, знали их язык. По пути остановились в Херсонесе. Услышав местные предания, сумели найти мощи св. Климентя, сосланного в Крым и казненного в II веке. Здесь же Кирилл увидел Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены». Общался с их владельцем, христианином-русичем, освоил известную тому грамоту. Мы не знаем, каким из алфавитов были написаны священные книги, однако именно тот послужил основой для дальнейших трудов над будущей кириллицей.

Во время диспута в Хазарии св. Кирилл сформулировал положение, которое впоследствии станет военно-политической доктриной Руси. Исламский богослов, желая поддеть его, задал вопрос: вы, христиане, провозглашаете, что надо любить врагов своих; мы — ваши враги, так почему же не любите нас, встречаете мечами и копьями? Св. Кирилл спросил оппонентов: если в учении две заповеди, то кто ему лучше следует — соблюдающий одну или обе? Мусульманин и иудей признали — конечно, обе. Тогда наш мудрец пояснил: вот и у нас несколько заповедей; одна — о любви к ближним и к врагам, другая гласит, что «нет выше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»; мы прощаем личных врагов, но поднимаемся на битву за родной народ и свои святыни.

Спор завершился так, как и хотел каган, объявивший, что поражен мудростью всех участников и в знак уважения к ним снимает запреты и на христианство, и на ислам. Тем самым он нормализовал связи и торговлю с соседними державами. А св. Кирилл по возвращении в Константинополь изложил патриарху свою идею о славянской грамоте и славянском же переводе Священного Писания. Фотий оценил открывав-

СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

шие перспективы и благословил это великое начинание. После были упорядочены и усовершенствованы буквы, виденные нашим святым в Херсонесе.

В 863 году в Константинополь прибыли послы моравского князя Ростислава. Его страна приняла крещение от германских миссионеров, однако в лице священников

получила от Людовика Немецкого засланных агентов. Ростислав просил прислать греческих проповедников. Император Михаил III и Фотий отправили к нему Кирилла и Мефодия. Германское духовенство встретило их враждебно, полагая, что те вторглись в чужие владения. Трехязычная ересь приносила огромные выгоды власть имущим.

Кирилл и Мефодий. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XIII в.

Грамотными на Западе были, по сути, лишь представители касты священников, вследствие чего получали посты министров, секретарей. А новшество константинопольских миссионеров открывало путь к широкому распространению грамотности среди славян.

Князь Ростислав братьям покровительствовал. Они вели службы по-славянски, переводили духовные книги, подготовили ряд учеников и повезли их в Константинополь, чтобы те стали священниками. По дороге, в Паннонском княжестве, провели такую же работу.

В 867-м византийского императора Михаила III сверг Василий Македонянин. Низложил и Фотия, а преемник последнего даже отлучил бывшего патриарха от церкви.

Кирилл и Мефодий очутились в незавидном положении, рукополагать священников они не имели права. Более того, выходило, что покровительствовал им прежде отлученный «еретик». Возвращаться в Константинополь было нельзя.

Василий Македонянин восстановил отношения с Римом, признал единство церкви. Братья решили, что нет ничего важнее, нежели спасение начатого дела, и отправились к папе Адриану II. Тот принял их хорошо. Смекнул, какие преимущества может дать распространение христианства на славянском языке, благословил просветителей и их труд. Из Рима св. Кирилл так и не выбрался, там заболел и умер...

Памятник братьям-просветителям в Коломне

ФОТО: БОРИС КАВАШИН/ТАСС

За сим короткий рассказ, приуроченный к круглой дате, вроде бы можно завершить, однако это было бы неправильно. Ведь св. Кирилл прославлен не столько персонально, сколько в неразрывном тандеме с братом, и у этого, разумеется, есть самые веские основания...

Надолго задержался в Риме и св. Мефодий: Моравию захватили немцы, князь Ростислав попал в плен и скончался в темнице. Только в 870 году довелось продолжить высокую миссию, когда он стал архиепископом Паннонским и Моравским. Просвещение славян настолько претило германским церковным кругам, что его схватили и, невзирая на заступничество папы, три года мучили в тюрьме.

Моравия тем временем восстала, выгнала оккупантов, и возникла угроза ее отпадения от Рима. Тут уж и папа, и Людовик Немецкий нажали на своих церковников. Св. Мефодия освободили. Он вновь приступил к службе, созданию славянской церкви, крестил — помимо других — князя и княгиню свв. Борживоя и Людмилу.

К нему приставили «помощника», соглядатая — немецкого епископа Вихинга. Моравией теперь правил Святополк, буйный, необузданный, сохранивший языческие привычки. Св. Мефодий пробовал увещевать князя, чем вызывал его гнев. А Вихинг и германские священники, отпускавшие тому все грехи, стали у него любимцами.

От Святополка и его наперсников в Рим посыпались доносы на неугодного иерарха. В Византии же обстановка постепенно менялась: восстановили патриарха Фотия, и св. Мефодий начал ездить к нему, вести важные беседы. Это крайне не понравилось латинянам. Папа издал буллу, осуждающую архиепископа Паннонского и Моравского. Папское послание не застало его на этом свете. В 885 году, за неделю до Пасхи, он преставился.

Сразу же после кончины св. Мефодия князь Святополк и Вихинг разгромили славянскую церковь. Учеников убивали, истязали, продавали в рабство. Тех, кого уже посвятили в священники, казнить не осмелились, дабы не восстал народ. Тем не менее жестоко избили, ограбили до нитки, а после изгнали. Последователи Кирилла и Мефодия, посоветовавшись между собой, побрели разными дорогами, тропками, чтобы хоть кто-то уцелел и не погибло величайшее дело — славянское богослужение и грамота. Добрались до Болгарии, а там... Царь Борис встретил их с распростертыми объятиями. Сам он принял крещение в 864-м от греков. И получил то же самое, что Ростислав от немцев: из Константинополя прислали не простых священни-

ков, а «политических агентов», через которых Византия стремилась взять Болгарию под контроль.

Царь Борис с приходом моравских изгнанников обрел именно то, что ему требовалось для организации не греческой, не латинской, а своей национальной церкви. Дорогих гостей он сразу назначал епископами. Славянская церковь утвердилась и стала развиваться не в Византии, не в Моравии, а в Болгарии. Здесь развернулось обучение священников-славян. Было налажено распространение славяноязычной литературы. Отсюда рассылались миссионеры в Сербию, Хорватию, на Русь. Существует версия о том, что св. княгиня Ольга приняла крещение как раз от болгарских священников. А то, что их привлекал св. Владимир Креститель, — общеизвестный факт.

Кириллица оказалась настолько удобной, что славянские племена начинали пользоваться ею даже раньше, чем к ним приходило христианство. Археологами найдены грамоты языческого содержания, написанные кириллицей. Известен и результат: в Западной Европе еще несколько веков даже короли и герцоги оставались неграмотными, а на Руси обменивались между собой записками воины, купцы, слуги, дети, женщины из простонародья, сапожники подписывали свои колодки.

Впрочем, кириллица проявила себя не только как великолепное средство распространения информации. Она каким-то неуловимым образом смогла «нащупать» славянскую душу. Была близкой для нее, родной. Помогала сохранять, передавать от поколения к поколению духовные и культурные ценности. Азбука связывала человеческие поколения между собой. Переносила через века опыт и наследие предков, систематизировала их, выстраивая национальную традицию. Стала естественным фундаментом, на котором постепенно вырастало и возвышалось

грандиозное здание отечественной культуры, науки, государственности. Кириллица сближала и православные славянские народы — русских, сербов, болгар, черногорцев, украинцев, белорусов. Крепила их братство. Оказывалась прочнее и сильнее политических конъюнк-

Кириллица — не только средство коммуникации. Она каким-то неуловимым образом смогла «нащупать» славянскую душу. Стала близкой для нее, родной

тур, пропаганды, интриг. Чудо? Да, чудо — от Бога, пришедшее через святых подвижников.

Отнюдь не случайно кириллица всегда вызывала сильную аллергию у врагов православия и России. Когда власть захватили большевики, их идеологи в первую очередь нацеливались переделать весь народ, превратить его в нечто совершенно иное, нехристианское и нерусское, крушили храмы, великую русскую культуру, рвали историческую преемственность с нашим славным прошлым. В рамках таких преобразований обсуждались

планы кириллицу упразднить и перейти на латиницу. По счастью, в какой-то момент Сталин начал переосмысливать последствия культурных разрушений и положил данную идею «ленинской гвардии» под сукно. А то, что было создано славянскими просветителями, наоборот, власти принялись активно использовать. При строительстве советской державы на основе кириллицы были разработаны десятки алфавитов для народов, не имевших национальной письменности.

Для западных государств, стремящихся оторвать от России ее друзей, кириллица также стала важнейшей мишенью. Еще в XIX столетии на латиницу перетачили Румынию. После разрушения СССР латинскую транслитерацию законодательно ввели в Болгарии. В Сербии, Черногории, Боснии установили равноправие двух алфавитов, и латиница постепенно теснит кириллицу. Письменность на основе кириллической азбуки заменена в Молдавии, Туркмении, Узбекистане, Азербайджане. В Таджикистане вместо нее понемногу внедряют персидскую.

Эти факты позволяют без труда осознать, какую ценность подарили нам два брата-просветителя, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий.

Базилка Святого Климента в Риме, где хранятся мощи святого равноапостольного Кирилла

Философ о философе

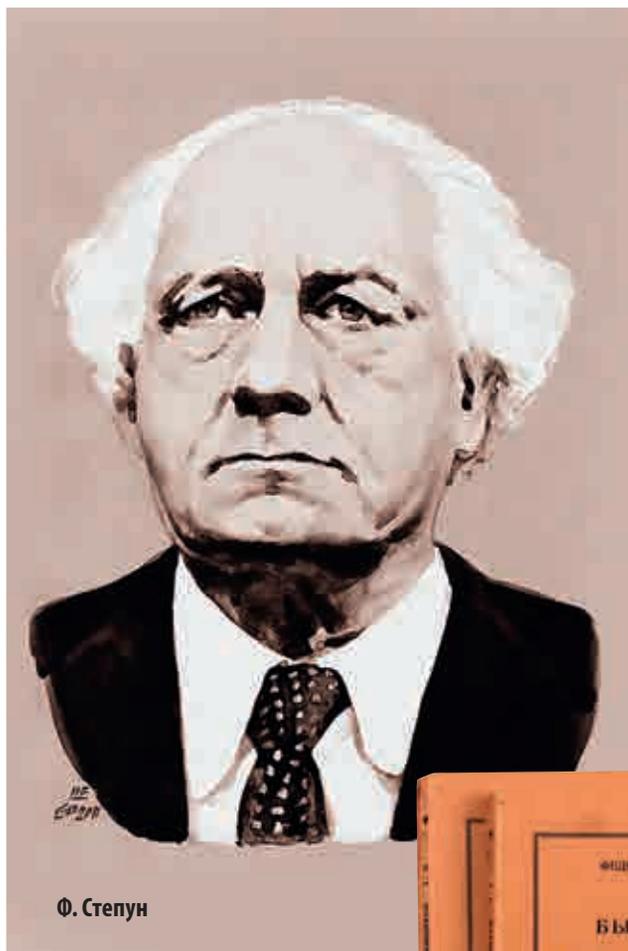

П. ФИЛОНОВ. «ЖИВОТНЫЕ». 1930

Избранник Каллиопы, служитель Мельпомены

Олег Ермишин, доктор философских наук

«Счастье быть русским, быть сыном и создателем целого мира, у которого все есть, которому не нужно громоздить великих, но и проклятых исторических событий, чтобы добиваться своего места под солнцем, которому можно мирно и вольно цвести под ним всем своим богатным бытием, — вот то чувство, на котором только и можно праведно строить новую национальную жизнь», — так мыслил незадолго до начала Второй мировой войны Федор Степун. Прочитанное произведение — «Чаемая Россия» — было написано в Германии, где он, вынужденный эмигрант, жил к тому времени уже много лет.

Ф. Степун

СО СТРАНОЙ Гегеля и Канта, Гёте и Шиллера, Баха и Бетховена его связывало многое: от прусского происхождения отца до учебы в пору студенчества, от первых месяцев жизни изгнанника до последних часов земного бытия. (Но отнюдь не симпатии к политическому режиму, установившемуся там на момент написания «Чаемой России».)

Федор Степун (1884–1965) был не только замечательным философом. Любителям самой качественной литературы в жанре non-fiction он известен как превосходный публицист, писатель, литературный и театральный критик, выдающийся мемуарист. Нашлось в его творчестве место и хорошему роману — основная работа над «Николаем Переслегиным» велась в годы братоубийственной Гражданской войны. Однако речь там идет не о кровавых революционных эксцессах. Рассказ о прежней жизни и былых раздумьях плавно перетекает в описание довоенной эпохи, богатое выразительными, весьма ценными — особенно для потомков — деталями.

Одновременно занимаясь философией и социологией, литературой (в самом широком смысле) и театром, исследованием политических течений и го-

сударственных режимов, традиционных укладов и религий, Федор Августович создал такие нужные для интеллектуалов и специалистов труды, как «Жизнь и творчество», «Основные проблемы театра», оставил блестящие воспоминания. В своем стремлении соединить лучшие качества русской и европейской мысли, в поисках целостного мировоззрения он прошел длинный путь, начинавшийся с увлечения немецкой философией и приведший в итоге к воспеванию великой русской культуры.

Федор Степун родился в Москве. Детство провел в Кондрово Калужской губернии, в имении родителей. Окончил московское реальное училище св. Михаила. Отбыл воинскую повинность как вольноопределяющийся. С 1902 года учился в Гейдельбергском университете, где его философским наставником был известный профессор Вильгельм Виндельбанд. Там же в 1910-м защитил докторскую диссертацию. По возвращении в Россию несколько лет входил в редакционный совет журнала «Логос». На фронтах Первой мировой служил артиллерийским офицером. После Февральской революции работал в политуправлении Военного министерства Временного правительства. Оказавшись по воле большевистских властей за границей в 1922-м, поселился в Германии, где и жил до самой смерти.

Характерные черты личности Степуна лучше всего видны в его воспоминаниях «Бывшее и несбывшееся» (Нью-Йорк, 1956). Предыстория их написания относится к 1937 году, когда Федора Августовича за русофильство и отказ от пропаганды национал-социалистической идеологии лишили права преподавать и публиковать собственные сочинения. Будучи отстраненным от профессорства в Дрездене, приступил к работе над мемуарами.

В предисловии к ним позже напишет: «Бывшее и несбывшееся» не только воспоминания, не только рассказ о бывшем, пережитом, но и раздумье о том, что «зачалось и быть могло, но стать не могло», раздумье о несбывшемся. Эта философская, в широком смысле слова даже научная сторона моей книги, представляется мне не менее важной, чем повествовательная. Я писал и как беллетрист, не чуждый лирического волнения, и как философ, как социолог и даже как политик, не замечая вполне естественных для меня переходов из одной области в другую».

Повествование первого тома, охватывающее период от его детских лет до Февраля 1917-го, разворачивается в нескольких направлениях. Воссоздается дореволюционная эпоха, рассказывается об особенностях русской жизни и вместе с тем регулярно выносятся

очень точные, предельно емкие, вневременные суждения, делают-ся любопытные выводы и обобщения. К примеру, описывая взгляды родителей на жизнь окружавших семью простых людей, автор одновременно итожит и сетует: «Зло-счастье этих отношений была не в том, что господа не любили на-рода, а в том, что они его не знали. Чувство какой-то неловкости от маминих отношений к простолю-динам во мне осталось еще до сих пор». А далее парадоксально рассу-ждает: с исчезновением после ре-волюции разницы между высшими и низшими классами, возможно, «русская жизнь во многих отноше-ниях станет лучше и справедливее, но какую-то свою таинственную красотой она оскудеет».

Второй том целиком посвящен 1917-му и послереволюционным годам. Очевидец всех основных драматических процессов, Федор Степун с присущей ему вниматель-ностью наблюдал «раздвоенную душу» Февраля и затем немало потрудился для того, чтобы как можно полнее описать хаос по-следовавших событий. Приехав с фронта в революционный Петро-град, он увидел город, который «и по внешнему виду, и по внутренне-му настроению являл собою закон-ченную картину разнузданности, скуки и пошлости».

В мемуарах философ указывает на то, что вожди-социалисты, отравлявшие народную массу «ядом беспредметного утопизма... в своем безудержном восторге пе-ред гением революции... бесчув-ственно разрушали живую Рос-сию», то есть бесконечно дорогую для него страну с уникальным историческим наследием. В кажущемся безумии русского перево-рота была своя логика, неизбежно ведшая к большевистскому Октябрю, новой, небывалой форме деспотизма и отрицания личности.

В его творчестве приковывает к себе внимание самобытный и в то же время популярный стиль

литературно-философской крити-ки. Отечественную художествен-ную классику Федор Августович воспринимал как материал для раскрытия актуальных, наиболее сложных социальных проблем. Например, в статье «Бесы» и боль-шевистская революция» (1957) по-пытался исследовать метафизику революционных потрясений, взяв за основу всем известный роман гениального тезки. По мнению Степуна, Достоевский очень убе-дительно показал движущие силы и теоретические принципы рево-люции, при этом проявил себя не только как выдающийся литера-тор, но и как бесподобный мыслитель. Создатель «Бесов» познавал не внешнюю сторону жизни, но ее глубинные, идейные первоосновы, а сложную действительность изо-бражал с помощью предельно кон-кретных образов. И интересен он прежде всего как «философ, мыс-лящий не в отвлеченных понятиях, а в живых образах».

В статье «Мирозерцание До-стоевского» (1962) творчество рус-ского писателя напрямую связано

с идеями Платона. Отталкиваясь от «Петербургского сновидения в стихах и прозе», Степун подводит читателя к выводу: «философское рождение» гения началось «с по-гашения земной действительности и с возвышения над ней иной духовной реальности». Именно с точки зрения высшего, метафизи-ческого бытия наш классик изо-бразил обычную для его времени жизнь. Идея у Платона — то же, что у Достоевского образ. Идеи-образы, присутствующие в рома-нах и повестях, объединяют пре-ходящее с вечностью. Они суть божественные семена, брошенные на грешную землю, сокровенные тайны, присущие роду человече-скому, всем его представителям. Личность не что иное, как вопло-щенная идея. Россия, вмещающая в себя несчетное множество так-ковых, является метафизическим образом высшей реальности. И ее идея — величайшая из тайн.

Степун указывает на системати-ческую целостность мирозерца-ния Достоевского, основанного на «умном взглядывании» в жизнь,

нахождении в ней скрытых, духовных законов. Вспрашиваясь в Россию, писатель-философ постигал ее метафизическое, а не географическое единство, подчиненность высшей идее. С другой стороны, осознавал подверженность русской души всевозможным искушениям, в том числе — социализмом и революцией. Так, в интерпретации Степуна возникает противопоставление божественной идеи и бесовской идеологии. Из этого противостояния и вырастает великая трагедия России.

Тем не менее Федор Августович смотрел в будущее довольно оптимистично: «Понимая образы Достоевского как символы и чувствуя, что все они относятся к России как к верховному предмету его художественного творчества и всех его раздумий, нельзя сомневаться в том, что если бы он был с нами, он верил бы тому, что большевистская Россия покается».

Как литературного критика Степуна особенно интересовали среди его современников Иван Бунин и Борис Пастернак. Отметив у первого природную подлинность таланта, определил это качество как органическое единство между человеком и абсолютной истиной. По версии Степуна, Бунин созерцал мир умными глазами, проникал в его сущность. «Жизнь Арсеньева» названа «философской поэмой», которая разбивается сразу в нескольких планах — природном, социальном, историческом, метафизическом.

Примерно так же критик анализировал сочинения Пастернака, указывая на связь с символизмом и философией неокантианства: поэт творит в своем сознании мир искусства, при этом «ощущает каждую метафору не как свое изобретение, а как некое обретение таящейся в мире истины». Метод Пастернака заключается в придании даже безликим природным явлениям человеческих черт, это своеобразный поэтический пантеизм, когда природа и личность возвышаются над безумием нашей истории.

Любой рассказ о Федоре Степуне будет неполон, если не вспомнить определение, которое дал ему историк русской мысли Николай Полторацкий: философ-артист. Речь тут идет не столько о популярной, исполненной известного артистизма лекционной деятельности Федора Августовича, сколько о его увлеченности театром, длившейся всю сознательную жизнь. Например, вспоминая о детских годах, он признавался: «Восемь спектаклей за зиму давали душе и фантазии больше, чем восемь месяцев школьного учения».

Позже Степун являлся литературным руководителем московского Показательного театра. И наконец взял на себя труд отразить в книге «Основные пробле-

мы театра» личный опыт, предметно объяснить то, что вкладывал в понятие «артистическая душа». В его рассуждениях на эту тему четко обозначена двойственность: с одной стороны, излагаются мысли о природе и сущности актера, с другой — о самом себе. Всякий индивид, по его мысли, неизбежно раздваивается в собственном сознании, выступает как обычный человек с житейскими проблемами, слабостями, пороками и в то же время устремляется к некоему идеалу.

Именно артистизм утверждает в творчестве, в духовной борьбе человека с самим собой онтологическое единство, гармонию. Противостоят же этому мещанство и мистицизм: первое растворяет противоречия в быту, другой лишь иллюзорно возвышает сознание над земной жизнью. Артист обретает в творческом процессе особое психическое состояние — «эстетическое единство трагедии», проецирует заветную мечту на воображаемую душу (душу-призрак), та же пытается найти для себя в театре достойное воплощение. Он, театр, есть незаменимое

пространство внутреннего опыта, «родная стихия специфически артистической души».

Впрочем, не забывал философ XX века Федор Степун и о «важнейшем из искусств». И даже порой противопоставлял его театральному миру, находя у кинематографа определенные преимущества. В статье «Миросозерцание Достоевского» содержится, к примеру, следующее наблюдение: «Первого взгляда было достаточно, чтобы почувствовать, насколько «филь-

мовое оформление» «Преступления и наказания» точнее передает дух Достоевского, чем эпохально верная на передвижнический лад живописная декорация «Бесов» в Художественном театре. В декорациях Станиславского можно было играть и всякого другого русского автора. В фильмовых декорациях — только Достоевского, так как они никак не казались привычными глазу жилищами или пейзажами. Было в них что-то условно-абстрактное, и мистически-символическое. Люди двигались среди этих декораций уже метафизически оголенными, — скорее души, чем люди. Двигались они в предчувствии каких-то предстоящих им испытаний».

Этот оригинальный мыслитель, постоянно стремившийся преодолеть драматические противоречия между жизнью и творчеством, реальностью и идеалом, занял в истории русской мысли очень важное место. Сформулированные им идеи действительно необходимы для подлинной человеческой жизни, которая, в свою очередь, призвана быть лучшим материалом и главным содержанием искусства.

В кажущемся безумии русского переворота была своя логика, неизбежно ведущая к Октябрю, новой, небывалой форме деспотизма и отрицания личности

Служу
России

Обратной дороги нет

Андрей Самохин

Его фамилия у соотечественников, прилежно учивших географию, вызывает однозначные ассоциации: седой, обмерзший пароход в плену арктических льдов, ездовые собаки, отчаянный рывок к полюсу и последнее пристанище на неприютном берегу. Георгий Седов был первым россиянином, попытавшимся покорить северную макушку планеты. Потерпел трагическое фиаско. Снискал посмертные литературные почести, стал объектом советской мифологизации и постсоветского глумления. Вошел безусловным героем в русскую и мировую летопись Арктики, однако оставил и большую этическую дилемму потомкам.

«Он умирал, сжимая компас верный. / Природа мертвая, закованная льдом, / Лежала вокруг него, и солнца лик нещерный / Через туман просвечивал с трудом», — так начиналось стихотворение Николая Заболоцкого «Седов», датированное 1937 годом.

«Горько подумать, что все могло быть совсем иначе... Молю тебя об одном: не верь этому человеку! Можно смело сказать, что всеми нашими неудачами мы обязаны только ему. Достаточно, что из шестидесяти собак, которых он продал нам в Архангельске, большую часть еще на Новой Земле пришлось пристрелить... Не только я один — вся экспедиция шлет ему проклятия», — писал жене герой хрестоматийного романа «Два капитана».

Но причиной гибели Георгия Седова стал не коварный брат-злодей, как у Каверина, а прежде всего несчастливое стечение обстоятельств. Хотя в конечном счете смертельную развязку приблизил сам отважный полярник.

Исследователя, родившегося 5 мая (23 апреля) 1877-го, часто сравнивали с Ломоносовым, имея в виду происхождение из простой рыбацкой семьи, упорство и многие таланты, патриотизм и самоотверженность.

Детство у него было, пожалуй, посуровее, чем у сына зажиточного помора, хоть и протекало не у студеного, а близ теплейшего Азовского моря, на хуторе Кривая Коса. Ветхая хибара из глины и камыша с минимумом мебели, помощь отцу в рыбной ловле и частые запои родителя, батрачество за гроши, побои — казалось бы, полная беспросветность. Однако социальные лифты империи работали для тех, кто хотел ими воспользоваться. Попав в церковно-приходскую школу лишь в 14 лет, юноша проявил недюжинные способности, прошел трехлетний курс за два года, да еще и с похвальным листом. Служил на торговом скла-

де, ночами глотал книги. В том числе — о морских приключениях. Начитанного 17-летнего парня с горящими глазами рискнули принять в Ростовскую мореходку, и не прогадали. Успешно окончив училище, он несколько лет водил небольшие суда по Черному и Средиземному морям. К нему, бывшему босюку, теперь обращались «господин капитан». Моряк не загордился и не успокоился, продолжая саморазвиваться.

В 1901-м блестяще сдал экстерном экзамены в офицерский Морской корпус и в следующем году был «определен в службу с зачислением по адмиралтейству». Его мечта обрела реальность. Он получил чин поручика, два года ходил на гидрографическом судне «Пахтусов» по северным морям как помощник начальника экспедиции, вел съемку и описание берегов Новой Земли. Затем, курсируя по Амуру, охранял вход в реку от японцев, с которыми тогда воевала Россия. Задержавшись на Дальнем Востоке, служил на Тихоокеанском флоте, провел отменное научное исследование в устье Колымы, доказав возможность тамошнего судоходства. Доклад Седова, дополненный собранными образцами минералов и прочим местным материалом,

высоко оценили в Академии наук и РГО.

Колымский успех Георгий Яковлевич закрепил качественным изучением Крестовой губы на Новой Земле, давшим важные научные и хозяйственные сведения для освоения архипелага. Если добавить к перечисленному еще и картографирование побережья Каспия, то можно сказать, что только этими делами бывший азовский рыбарь вписал бы свое имя в анналы отечественной науки.

Но роковая звезда влекла его дальше и выше — туда, где сходятся меридианы. Что это было — неистовое честолюбие или желание прославить свое Отечество? Думается, и то, и другое. Ведь к тому времени американцы, норвежцы и англичане добрались уже до обоих полюсов. «А что же русские?» — все настойчивее вопрошал Седов.

В марте 1912 года он представил в Главное гидрографическое управление рапорт с обоснованием экспедиции к Северному полюсу. Предложение горячо поддержала группа депутатов Государственной думы, ратовавших за финансирование экспедиции из госказны. Знавший Седова морской министр Григорович также одобрил проект, посоветовав втрое увеличить смету. В статье под безапелляционным

Шхуна «Святой мученик Фока» во льдах

Г. Седов с членами команды принимает гостей на борту шхуны «Святой мученик Фока». Архангельск, 1912

заголовком «Как я открою Северный полюс» Георгий Яковлевич заявлял: «Чувствую себя вполне подготовленным для такого большого дела». Однако Совет министров с этим утверждением решительно не согласился, отказавшись оплатить предприятие.

Во времена СССР писали, мол, царская бюрократия проявила косность. Но специалисты знали: речь шла о здравомыслии. Опытные полярники и мореходы, рассмотрев подробно план Седова, увидели авантюризм замысла. Доводы самого автора лишь усугубили общее неприятие со стороны спецов. Характерно свидетельство Василия Шульгина, который «иногда с ночи до зари» просиживал с путешественником, помогая рассчитать необходимые условия для броска к полюсу. И даже собирался принять в нем участие: «Важный вопрос — это питание собак... Обычно им дают фунт в день, но Седов сказал, что можно урезать до трех четвертей фунта... В конце концов, все же мы с Седовым остановились на какой-то цифре. Естественно, я сейчас же удвоил ее, так как необходимо было рассчитывать и на обратный путь». И вот однажды Василий Витальевич услышал: «Обратного похода не будет». «Я увидел жестокую правду, — писал Шульгин, — достойнейший, отважнейший, милейший человек оказался полусумасшедшим маньяком».

Немногие были столь близко посвящены в умонастроения морского офицера. Экспедицию решили сделать «народной». Совладелец и редактор «Нового времени» Михаил Суворин создал общественный Седовский комитет, куда потекли жертвования от всех слоев русского общества. Николай II дал 10 тысяч рублей. В дополнение к этому Суворин предоставил кредит. Позже путешественник в благодарность даже переименовал судно «Святой мученик Фока» в честь патриотического издателя.

Прежде чем этот старый зверобой с 22 членами экспедиции на борту под гром оркестра отчалил от архангельского пирса 27 августа 1912 года, случилось много чего каверинского. Комитет безобразно задержал присылку в Архангельск консервов, инструментов, радиотелеграфа, практически сорвав весь план снабжения. Жуликоватые местные купцы подсунили порченую солонину, а вместо ездовых собак — городских дворняжек, половину из которых из-за непригодности седовцам пришлось потом пристрелить и съесть. Жестоко подкузьмил и судовладелец Дикин: получив за фрахт задаток, стал тянуть волюнку и в итоге снял с плавания большую часть своих матросов. Капитан Седов был вынужден срочно вербовать случайных охотников, кое-как одетых и мало что умевших. Будущий крупный исследователь Арктики метеоролог и географ экспедиции Владимир Визе записал в дневнике: «Он (Седов) упрям и наивен... Нужно совершенно не знать полярную литературу, чтобы с таким снаряжением, как наше, мечтать о полюсе».

«Неудачи преследовали нас», — сетует каверинский капитан Татаринов, отражая реалии седовского плавания. Льды Баренцева моря не дали «Святому Фоке» до серьезных холодов достичь Земли Франца-Иосифа, откуда предполагалось начать санный поход к полюсу. Зазимовали у берегов Новой Земли. Однако неудача — не катастрофа. Дефицит продовольствия команда восполняла охотой, ледовый плен — чтением книг и музицированием в кают-компании. При этом всю зимовку занимались исключительно важными для страны картографическими, метеорологическими и другими исследованиями, значительно обогатившими русскую науку. Именно здесь был впервые снят фильм об Арктике.

Начальник экспедиции отправил с матросами (радиостанции не было) в Гидрографическое управление

рапорт о ситуации и своих намерениях идти дальше на север. Просил на будущий год прислать пароход с углем, ездовыми собаками. Ответом было гробовое молчание.

Когда судно освободилось от ледяного плена, возник вопрос: куда двигаться дальше? Большая часть команды выступала за то, чтобы повернуть обратно, к материку. Это действительно стало бы разумным решением: на вторую зимовку не хватало топлива и еды, люди не рассчитывали на нее. Но, силой воли и недюжинным даром убеждения преодолев почти открытый мятеж, лейтенант Седов направил «Святого Фоку — Михаила Суворина» в сторону полюса. На одной чаше весов лежало «позорное», как представлялось Георгию Яковлевичу, фиаско полярного проекта, долги и насмешки, крах мечты. На другой — прямая угроза жизни спутников и его собственной. Вторая чаша перевесила.

У Земли Франца-Иосифа корабль вновь затерло льдами. Зимовка в бухте, названной Седовым Тихой, оказалась крайне суровой. На топливо шли сало зверей, переборки кают. У команды началась цинга, то и дело случались ругань и даже стычки. Осунувшийся, больной командир, как мог, мирил, воодушевлял сподвижников, но некая упрямая дума его не отпускала.

И вот 2 (15) февраля 1914 года он и два преданных ему матроса, Григорий Линник и Александр Пустошный, не слушая резонных возражений коллег, сошли с корабля и, загрузив собачьи нарты малым количеством еды, взяли курс на север. Пройти предполагалось две тысячи километров, переправляясь на каяках через полыньи. В последнем своем приказе капитан написал: «Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу: это событие и для нас, и для нашей родины. Об этом дне уже давно мечтали великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала

большая честь — осуществить их мечту». Он осознанно отправился на смерть, предпочтя ее позору.

Две недели продирались сквозь торосы и полыньи. Свирепый ветер и лютый мороз встречали путников. Через несколько дней Георгий Яковлевич уже не мог идти и лежал, привязанный к нартам. Линник и Пустошный, сами страдавшие от цинги, упорно тащили хрипевшего, терявшего сознание вождя туда, куда указывала стрелка компаса, намертво зажатого в его руке. На их робкие предложения вернуться на корабль командир отвечал решительным отказом.

Памятный крест в бухте Тихая на Земле Франца-Иосифа

ФОТО: ВЛАДИМИРОВ/РИА НОВОСТИ

тельным отказом. Кончилось это предсказуемо: 20 февраля (5 марта) 1914-го на подходах к острову Рудольфа, по официальной версии, лейтенант Седов сделал последний вздох.

Похоронили его, опять же по официальной гипотезе, на высоком скалистом мысе Бророк, завалив валунами, водрузив в изголовье крест из лыж, оставив рядом кирку, молоток и русский триколор на древке, который мечтал установить на макушке планеты Георгий Яковлевич.

За исключением этой смерти финал экспедиции оказался «не трагичным, но досадным», как пел по

другому случаю Владимир Высоцкий.

Никто не ждал выживших полярников ни в Архангельске, ни в Петрограде. В России началась война с немцем. До героев науки не было дела ни правительству, ни обществу. Материалы экспедиции до революции так и не напечатали.

Линника и Пустошного изрядно помучили допросами в ходе следствия — подозревали в убийстве Седова. За отсутствием улик дело свернули.

Уже в постперестроечные времена с подачи некоего архангельского краеведа пошла гулять бредовая байка: спутники полярного героя по его смерти расчленили тело, скормив ездовым собакам.

Отвергая эту чепуху, стоит заметить: место захоронения Георгия Яковлевича до сих пор неизвестно. В 1938 году советские полярники, обнаружив на острове Рудольфа — вовсе не на Бророке, а на мысе Аук — фрагмент флага и древка с медной втулкой и гравировкой, заявили, что они принадлежали Седову. Но останков старшего лейтенанта, кирки с молотком и креста рядом не было.

Седовская экспедиция, безусловно, вошла в летопись Арктики. И вовсе не как провальная или назидательная, несмотря на смерть своего командира. В 1930-е возник настоящий культ Седова как пламенного патриота, выходца из народа. Его именем назвали архипелаг, ледник, мысы, заливы, горный пик, поселок, ледокольные суда, Институт водного транспорта, улицы во многих городах. Кинофильм, памятники и книги увековечивали память русского полярного героя. И это правильно.

Гениальный Николай Заболоцкий заканчивает свое стихотворение о нем на высокой ноте: «И мы пойдем в урочища любые, / И, если смерть постигнет у снегов, / Лишь одного просил бы у судьбы я: / Так умереть, как умирал Седов».

Впрочем, не все с этим согласны...

Чужой среди своих

В. ОРЛОВСКИЙ. «МАЛОРОССИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ»

Профессиональный украинец

Егор Холмогоров

«Немцы двинулись на русских. По способу тогдашней тактики, Александр поставил свое войско свиньей: так называлось построение треугольником, образовавшим острый конец, обращенный к неприятелю... Когда немцы приблизились, Александр стремительно двинул свою свинью рылом на неприятеля, и немецкий строй был разрезан».

Двинутая рылом свинья Александра Невского — не курьез, обнаруженный в сочинении нерадивого школьника, а фрагмент из монографии «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки». И написал сей труд маститый историк Николай Костомаров (1817–1885).

В ПРОЧЕМ, столь же выразительные фразы могут попасть и в работу школяра, если тот не читал хорошего учебника и не смотрел знаменитый фильм «Александр Невский». Сочинения Костомарова чрезвычайно популярны в качестве подарков за прилежную учебу, призов на олимпиадах, сюрпризов умным чадам на дни рождения.

Между тем еще при жизни Николая Ивановича его умение не дружить с фактами, давать пристрастные, неприязненные, порой клеветнические характеристики русским героям вошло в предания. Оппонировавший ему Михаил Погодин даже выпустил толстую книгу «Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями», где собрал и опроверг навешанные на исторических деятелей костомаровские ярлыки.

Н. Ге. «Портрет Н.И. Костомарова». 1870

Владимир Мономах — себе на уме, Дмитрий Донской на поле Куликовом труса праздновал, Скопин-Шуйский — тусклый и двусмысленный человек, князь Пожарский — совершенно рядовая, незначительная личность, Кузьма Минин — демагог, воровавший из общественной кассы, Иван Сусанин — не более чем персонаж мифа... Русская история предстает сплошными авгиевыми конюшнями. Создается впечатление, что пересказал ее Собакевич.

Откуда столько озлобленности и неряшливости у того, кто занимался изучением предмета десятилетиями и явно хотел поведать о результатах своих изысканий другим? Наверное, дело в том, что Николай Иванович был... украинцем. И речь не об этническом происхождении — оно как раз вполне великоросское. Его отец, помещик-вольнодумец из-под Острогожска (в Воронежской губернии), весьма удивил всех, выбрав невестой простую крестьянку, а затем отправив ее учиться в Москву. Уважения к барину среди мужиков это не прибавило. И когда Коле минуло 11 лет, крепостные ограбили и убили родителя.

Всю жизнь Николай Иванович убеждал и друзей, и едва знакомых, будто мать его была украинкой и рос он в окружении сверстников, крепостных ребят, тоже, как он настаивал, украинцев. Но эти заявления опровергались простым фактом: будущий историк выучил тогдашнюю мову отнюдь не в детстве, а лишь в Харьковском университете благодаря собирателю малороссийских

песен профессору Измаилу Срезневскому. Однако там, где для других Украина была лишь поэтическим увлечением, Костомаров, выдумавший и взлелеявший в себе украинца, решил пойти дальше — сделать такими южнорусских крестьян. С Тарасом Шевченко и Пантелеймоном Кулишом он основал Кирилло-Мефодиевское братство украинофилов и даже написал для него кощунственную «библию» — «Книгу бытия украинского народа».

Это произведение интересно тем, что содержит в себе зачатки исторической концепции Костомарова. Главный предмет ненависти автора — цари, короли, князья да господа. «Не любила Україна ні царя, ні пана», а снискала для себя равенство в козацтве. Не то Москва — «цар московський взяв верх над усіми москалями, а той цар узяв верх, кланяючись татарам, і ноги ціловав ханові татарському, бусурману». Русофобская формула, провозгласившая, что московские князья получили власть, целуя ханские ноги, широко распространена именно Костомаровым. А что Украина? А она хотела жить в мире и любви с Польшей, «як сестра з сестрою», но жадность панов и фанатизм иезуитов этому помешали. Тогда украинцы побратались с москалями, думая, что заживут в условиях прежней вольности. Да не тут-то было: «Скоро побачила Україна, що попалась у неволю, бо вона по своїй простоті не пізнала, що таке було цар московський, а цар московський усе рівно було, що ідол і мучитель».

Разумеется, это сочинение, найденное при обыске жандармами, не могло понравиться Николаю I. «Идол и мучитель» обошелся, впрочем, с возмутителем довольно мягко: тот год отсидел в крепости, а затем был приговорен к ссылке в Вятку, которую, несмотря на все мольбы матери историка, не заменили Симферополем — царь согласился только на Саратов.

Вернувшись в столицы в эпоху реформ, Костомаров стал кумиром прогрессивной публики. Был избран профессором Санкт-Петербургского университета. Провел знаменитый диспут с Погодиным о происхождении варягов, отстаивая экстравагантную теорию: Рюрик со товарищи являлись жмудью, то бишь литовцами.

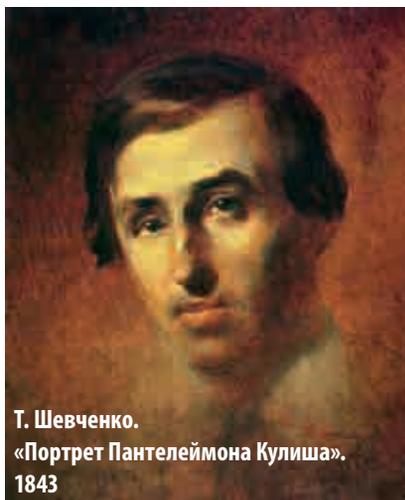
В любимцах у либеральной общественности, однако, долго не задержался. Когда из-за студенческих беспорядков старейший вуз Петербурга временно закрыли, Николай Иванович принял участие в основании «Вольного университета». Вскоре одного из преподавателей после дерзкой лекции жандармы выслали из города, и студенты решили бойкотировать «вольные» занятия. Костомаров не приветствовал этот бойкот, вследствие чего навсегда потерял уважение нигилистов. Они зашикали его и сигналы с кафедры, куда он никогда уже не вернулся. Чужой и для чиновников от просвещения, и для свистунов вынужден был с головой уйти в литературную деятельность.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Последнюю подчинил пропаганде главной идеи своей жизни — украинофильства. В 1861–1862 годы вместе с Пантелеймоном Кулишом они сотрудничали в журнале «Основа», посредством коего проповедовали ту самую идею, которую один ехидный автор «Современника» назвал «искусством делать сало и хорошие наливки», а заодно шокировали столичную публику частым употреблением слова «жид». Помимо прочего, задачей «Основы» было добиться от Министерства просвещения создания в Южной России народных школ, где преподавание велось бы на украинском языке, якобы наиболее близком к простому мужику.

Правда же в том, что никакого украинского языка как цельной, систематизированной науки реальности не существовало. Мужики либо не знали его вообще, либо говорили на диалектах, которые назывались «украинскими» лишь в мечтах издателей «Основы». Костомаров и Кулиш отлично понимали, что им и их последователям предстояло не обучать, а создавать украинцев из ничего.

Русские общественные деятели и публицисты всех лагерей атаковали Костомарова. Михаил Катков, Иван Аксаков, Александр Герцен на редкость дружно, на время забыв разногласия между собой, предупреждали: «украинский» проект «Основы» создаст неустранимую преграду между представителями народа Южной Руси и подлинным просвещением-образованием, отдалит их от Пушкина и Гоголя, от «Истории» Карамзина и «Полного собрания законов», фактически сделает неполноценными гражданами империи. Возникло подозрение, что Костомаров по-прежнему хочет для своей Украины единства с Польшей — «как сестры с сестрою». В условиях разгоравшегося польского мятежа проект Костомарова выглядел очевидным проявлением враждебности

Т. Шевченко.
«Портрет Пантелеймона Кулиша». 1843

И. Крамской.
«Портрет Тараса Шевченко». 1871

В. Перов.
«Портрет Михаила Погодина». 1872

к России как таковой, попыткой расчленив государство.

Впрочем, он в своих теоретических работах и не скрывал, что ему мила не единая, а разделенная Россия. Выдвинул концепцию «федеративной Руси», которую в древности будто бы составляли шесть племен — южнорусское, северское, белорусское, великорусское, псковское и новгородское. Раздробленность представляла, таким образом, не возникшим на определенном этапе злом, а изначальным, естественным состоянием разноплеменности, создававшим предпосылки для образования будущей Русской федерации. Но, дескать, на несчастье, пришли татары, а великорусы, ловко воспользовавшись их мощным деспотизмом, подчинили все остальные «штаты» Москве. Концепция выглядела изрядно вымученной, не соответствовала ни местам расселения древних племен, ни границам княжеств. Автор путался в критериях определения тех или иных участников федерации. А главное, большинство субъектов мнимого федеративного союза к тому времени уже давно приказали долго жить.

Гораздо более опасным представлялось современникам Костомарова его учение о «двух русских народностях», связанных единым телом России: для великорусов характерна дисциплина, государственность, покорность власти, общинность, подчинение частного общему, начало единой державы; для другой народности, южнорусской, главное — стремление к свободе, анархия, неприятие рабства, повышенный индивидуализм и в конечном счете неусвоение начал государственных. Великорусы — ханжи, изуверы, малорусы полны любви и душевного умиления. Знаменитая работа буквально сочится неприязнью к первым.

Из числа великорусов Костомаров исключает новгородцев. Их вечевой строй «Речь Посполита Новгородска» и нелюбовь к едино-

державной власти дает ему повод искать в северных республиках южные корни. Еще когда он отправлялся в ссылку, в глушь, в Саратов, с ним произошел забавный случай: сей узник, завидев Великий Новгород, встал в коляске навтыжку и принялся так громко прославлять новгородское народоправство, что жандарм тут же пригрозил отправить его назад, в Третье отделение.

В соответствии со своей концепцией Костомаров сочиняет и историю Украины. Публикует обстоятельную монографию «Богдан Хмельницкий», берется издавать документы по истории Южной Руси как член археографической комиссии. Но тут происходит шумный скандал — блестящий знаток прошлого Малороссии, историк Геннадий Карпов привлекает внимание коллег к тому, что при подготовке издания Костомаров пропускает важнейшие источники, о которых не мог не знать, — по всей видимости, потому, что те противоречат его гипотезе об обязательствах русского царя хранить после Переяславской рады малороссийские привилегии.

Мало того, Карпов замечает: излагая события, связанные с Радой, автор монографии перемежает подлинный отчет боярина Бутурлина и сведения из поздней, малодостоверной, вышедшей из-под пера Самуила Величко истории Украины, где русские бояре божатся чтить козацкие свободы. Подобное, чрезвычайно характерное для Костомарова микширование первоисточника с позднейшими выдумками делало ему мало чести. Но еще ниже уронил его репутацию ответ Карпову, опубликованный журналом «Беседа».

«Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил, — он для меня остается таким же важным историческим фактом» — в этой формуле сокрыты, спрессованы следующие сто пятьдесят лет украинствующей историографии: от фактологических манипуляций Грушевского до древних укров, выкопавших Черное море, и украинско-персидских войн. Нежелание отделять правду от вымысла стало фирменной чертой костомаровской исторической традиции.

Второй знаковой особенностью, зримо проявившейся там, где он заступает на территорию столь нелюбых ему «великорусов», является желание клеветать и чернить.

Публицист Николай Ригельман, характеризуя метод Костомарова, отмечал в 1875 году: он старается «вывести события из игры нечистых или корыстных побуждений, ощупать в душе исторического лица какой-нибудь порок, благодаря которому можно бы отрицать благородство его намерений... вместо исторической личности является карикатура... Костомаров опошляет самые замечательные моменты и самые замечательные личности русской истории и, в конце концов, приходит к такому отрицательному

изображению, что если кто примет его за истинное, то должен потерять всякую веру в нравственные побуждения государственных деятелей и тому сделается недоступным величие и нравственный смысл исторических событий».

Именно Костомаров выработал «канон» русофобских интерпретаций нашей древней истории, к которым те или иные публицисты прибегают по сей день. Именно у Костомарова заимствовал свои злобные характеристики русских героев как «слуг торгового капитала» знаменитый большевистский опрокидыватель политики в прошлое Михаил Покровский. А по его почину тем же материалом наполняет тома своей «Истории» Борис Акунин.

Незалежные «ученые» воспроизводят все доставшиеся им в наследство басни о царях и казаках. А в недавно вышедшей монографии «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия» сочинитель, начиная с эксплуатации костомаровского мифа о «федеративной Руси», переходит к тому, что никакой единой древнерусской народности не было, а значит, и современной русской нации нет. Разве что «свинью Александра Невского» пока никто не двинул снова в бой. Наследие Костомарова по-прежнему весьма токсично для нашей историографии, а потому о нем трудно писать *sine ira et studio*.

Что ж, для того чтобы удерживать такую планку два столетия, действительно нужен своего рода огромный талант.

Никого, кроме Тэффи!

Валерий Бурт

Урожденная Надежда Лохвицкая, известная многим поколениям читателей под псевдонимом Тэффи, была любимицей дореволюционной России. А в среде юмористов, в основном мужчин, выделялась не только притягательной внешностью, но и необыкновенно изящным слогом и замечательно тонким умом. Complimentами ее осыпали, как цветами. Поэт и прозаик Георгий Иванов как-то предрек: Тэффи — «неповторимое явление русской литературы, подлинное чудо, которому через сто лет будут удивляться».

А НАЧИНАЛОСЬ все примерно так. Жили в Санкт-Петербурге сестры Лохвицкие, дочери присяжного поверенного, доктора права. Девочек звали Мария и Надежда. Они внешне походили друг на дружку, и обе страстно увлекались литературой. Последнее обстоятельство, впрочем, ничуть не удивляет — дом Лохвицких был битком набит книгами, их читали и родители, и дети.

Аналогичными возможностями пользовались в этой замечательной семье и две другие сестрицы, Елена и Варвара. Тоже любили чтение и баловались сочинительством. Но им, в отличие от Нади и Маши, прославиться на писательской ниве было явно не суждено. Как и брату Николаю — он, к слову, ни на какие литературные лавры и не претендовал, хотя украдкой что-то кропал. (В итоге по прошествии лет стал военным и дослужился до генерала.) Братец тем не менее оказался невольным виновником грядущих успехов одной из Лохвицких. Однажды Мария нашла в его комнате густо исписанные листки, где несколько раз повторялась строчка: «О, Мирра, бледная луна!». Позже Тэффи небезосновательно предположила: «Может быть, старшая сестра моя, Маша, став известной поэтессой, взяла себе псевдоним «Мирра

Лохвицкая» именно благодаря этому впечатлению».

Мария, несомненная красавица, обрела со временем общероссийское признание, стала лауреатом Пушкинской, самой престижной литературной премии. «И все в ней было прелестно: звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая легкая шутливость... — восхищался Иван Бунин. — Особенно прекрасен был цвет ее лица: матовый, ровный, подобный цвету крымского яблока».

Этот мир она, увы, покинула слишком рано. «Молодую ждала умереть, / И она умерла молодой», — скорбел Игорь Северянин, перефразировавший строки Лохвицкой.

Заманчиво представить: какая из сестер в случае равной к ним благосклонности судьбы добилась бы большей известности? Наверняка блистали бы обе. Реальность же такова, что особо ярким явлением русской словесности стала Надежда. Собственные сочинения она поначалу подписывала просто: «Н. Лохвицкая». Потом — Тэффи. Откуда этот псевдоним?

Требовалось имя, которое принесло бы счастье. Лучше всего позаимствовать у какого-нибудь дурачка — они, юродивые, всегда счастливы. И вдруг вспомнила такого: от роду Степан, а величали довольно странно — Стэффи. Надежда отбросила первую букву, и получилось мягко, даже ласково.

Когда она печаталась в «Биржевых ведомостях» — заметим, забегая вперед, — ее дарование весьма высоко оценил Николай Второй. При составлении сборника, посвященного 300-летию Дома Романовых, император пожелал, чтобы Надежда Александровна в нем непременно присутствовала. Даже вскричал: «Тэффи! Только она. Никого, кроме Тэффи, не надо!»

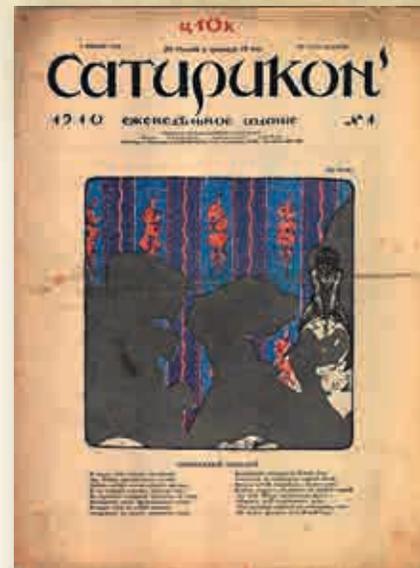
В «Новой жизни», где трудились помимо прочих Максим Горький, Зинаида Гиппиус и Владимир Ле-

нин, она публиковала отнюдь не бесталанные стихи. Вождю большевиков ее творчество тоже очень нравилось.

Поэзия послужила лишь искрой, импульсом: «Мне снился сон, безумный и прекрасный», — делилась она с потенциальными поклонниками в одном из первых стихотворений. Пламенем, настоящим призыванием стала проза — изящная, лиричная, с пикантным оттенком иронии. Между прочим, еще в до-революционной России выпускались конфеты «Тэффи» с ее портретом на обертке. И Лохвицкая — не без юмора, конечно, — говорила, что ощутила себя всероссийской знаменитостью, когда посыльный принес большую коробку, перевязанную алой лентой. Немедля стала звонить знакомым, приглашая отведать лакомство. В порыве гордости поела конфеты. Опомнилась, опустошив почти всю коробку: «И тут меня замутило. Я объелась своей славой до тошноты и сразу узнала обратную сторону ее медали. И больше меня уже никакими доказательствами славы не удовлетворишь».

Ее талант расцвел в «Сатириконе». Журнал, где творили Саша Черный, Аркадий Аверченко и другие известные личности, отличался остроумием и язвительностью. Порой выходил с белыми пятнами вместо зарезанных цензорами текстов и рисунков. Там стояла красноречивая подпись: «Снят по независимости от редакции обязательства».

Редактировал журнал все тот же Аверченко, чьи рассказы и фельетоны читала вся страна. Его называли королем смеха. Тэффи же вполне могла претендовать на звание королевы, ибо и ее сочинения пользовались сугубой популярностью. «Смейся!» — говорили мне читатели. «Смейся! Это принесет нам день-

ги», — говорили мои издатели... и я смеялась».

Аверченко и Тэффи не были соперниками, а напротив, дружили. Возможно, их связывало нечто большее, нежели совместная работа. Слишком часто эту «юмористическую» парочку видели вместе.

«Писать она терпеть не могла, — вспоминал поэт-сатирик Дон-Аминадо, — за перо бралась с таким видом, словно ее на каторжные работы сослали, но писала много, усердно, и все, что она написала, было почти всегда блестяще».

Сама Тэффи представляла момент воплощения так: «Рассказ мой готов весь целиком от первой до последней буквы. Если хоть одна мысль, одна фраза не ясна для меня, я не могу взяться за перо».

В 1913 году ведущие сотрудники «Сатирикона», разругавшись с издателем, ушли из редакции. И основали «Новый Сатирикон». Тот быстро завоевал аудиторию, а старый журнал осиротел и вскоре испустил дух.

Тэффи не ограничивала себя рамками одного издания. Регулярно — талант ведь необъятный — печаталась в газете «Русское слово», тираж которой к 1917-му перескочил за миллион. Там господствовал Влас Дорошевич, привлекавший читательскую массу блестящими фельетонами. По словам поэта Михаила Цетлина, Тэффи «едва ли уступала ему в остроумии, превосходя его в качестве этого остроумия».

Ее книжки регулярно выходили в России до 1918 года. Успех сопутствовал, но и критиков хватало, причем именитых. Невзлюбил Тэффи Лев Толстой, однако супруга его, Софья Андреевна, читала с удовольствием. Не жаловал тексты Надежды Александровны и Валерий Брюсов.

И все же куда больше было тех, кто говорил о ней с восторженными похвалами. Александр Куприн восклицал: «Она единственная, оригинальная, чудесная Тэффи! Любят ее дети, подростки, пылка

Н. Тэффи

Когда не хватало говядины и приходилось есть конину, она написала фельетон, в котором кухарка предваряла обед словами: «Барыня, лошади поданы!»

молодежь и зрелые люди труда, и посыпанные сединою отцы».

Писательница причислена к юмористам. Хотя многие ее рассказы слегка грустны либо элегически печальны. Слово причудливой

вязью, Тэффи обрамляла свои произведения насмешливой улыбкой, изящной иронией. Признавалась при этом: «Душа-то моя насквозь промокла от невыплаканных слез, они все в ней остаются. Снаружи у меня смех, «великая сушь», как было написано на старых барометрах, а внутри сплошное болото, не душа, а сплошное болото».

Вообще, человек с ее талантом слишком чувствителен, зорко подмечает несуразности и горести бытия. Трагик отражает жизнь, как она есть, юморист же «переворачивает» — из трагедии делает анекдот. Тэффи смеется, но, как ни банально это звучит, сквозь слезы.

Ее обильно цитировали. Во время Первой мировой войны, когда не хватало говядины и приходилось есть конину, она написала фельетон, в котором кухарка предвзяла обед словами: «Барыня, лошади поданы!» А чего стоят фразы: «Хоронить у нас умеют, и все было организовано великолепно», «Днем на улицах хорошо. В центре города даже почти не грабят»...

После двух революций с неистойвой силой запыхала классовая борьба, сверх всякой меры ожесточились массы. Дети — и те жаждали крови. Стало совсем не до смеха.

В рассказе «Как началось» Тэффи размышляет: почему одни, прежде участливые и богобоязненные люди, превратились в хладнокровных убийц, а другие, такие же, с удовольствием наблюдают за казнями и самосудами?

«Факты ежедневного быта так удивительны и страшны, что года два назад над ними призадумались бы психиатры», — ужасалась она и приводила в пример несколько случаев. Вот один из них:

«Везут арестованных. Вдруг остаются:

— А ну-ка, бегите-ка.

Арестованные кинутся бежать, а им вслед загремят выстрелы.

Потом подойдут конвойные и, взяв в обе руки штык, методично вдавят его в теплое, дергающееся и хрипящее тело.

Зачем это? Кому это нужно?

А затем о них, быть может, напишут, что они опозорили святое дело революции.

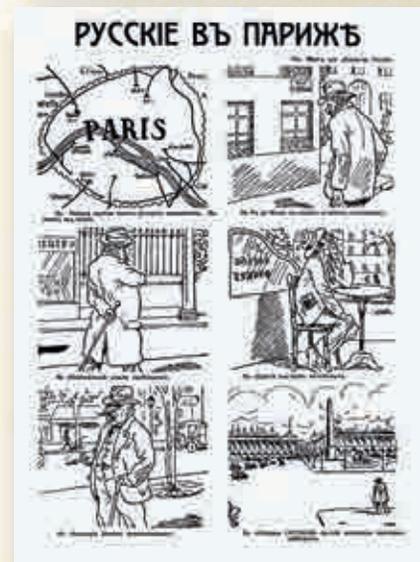
Ничего они не позорили, и в отношении революции они святы и честны, потому что ровно ничего не понимают».

Сама Тэффи не хотела этого ни понимать, ни тем более принимать. Ей нравилось просто нормально жить и творить.

Водоворот страстей — речь о преддверии Октября 1917-го — все же ненадолго затащила ее в политику. Она сочинила стишок, призывающий подписываться на разрекламированный Временным правительством «Заем Свободы»:

*«...Покупайте столько облигаций,
Сколько можно снести пешком
домой.*

*Знайте: вы спасаете Россию!
Вам за то воздвигнут
монумент,*

*И, повинность исполняя сию,
Вы еще получите процент!..
И для этого мы просим и зовем,
Подпишитесь поскорее на заем».*

Кажется, что такое Тэффи просто не могла написать, уж слишком неуклюж язык — одно «снести» чего стоит. Да и смысла в тех виршах немного. Наверняка сочиняла второпях и морщась от стыда — по настоятельной просьбе калифов на час, «временных»: мол, снизойдите, мадам, держава в упадке, помочь надобно. В той шумной агиткампании поучаствовали и другие корифеи, например, Игорь Северянин, Дмитрий Мережковский. Не промолчал и сатириконец Черный: «Ты жив? Ты сыт? Так будь щедрей — / Открой свой кошелек слегка... / Ты слышишь, — скорбная рука / Стучится у твоих дверей...» Тоже, согласитесь, не шедевр.

Это удивительно, но едкий «Новый Сатирикон», поносивший следующую за «временными» власть, большевики терпели чуть ли не год. Потом все же закрыли, погрузив в глубокую печаль литературных звезд.

В конце 1918 года безработная Тэффи — все издания, где она сотрудничала, прекратили существование — соглашается на уговоры антрепренера, некоего Гуськина, и вместе с Аверченко уезжает на гастроли в Киев. «Ненадолго, — уговаривает себя. — Через месяц вернусь».

Не получилось. Из Киева отправилась в Одессу, потом — в Екатеринодар, оттуда — в Севастополь. «Сейчас вернуться в Петербург трудно, поезжайте пока за границу, — посоветовали мне. — К весне вернетесь на родину».

Россию покидали многие. Села на пароход, плывший к турецким берегам, и Тэффи. «Я боялась разъяренных харь с направленным прямо мне в лицо фонарем, тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти. Я так устала от всего этого.

Я больше этого не хотела. Я больше не могла».

Но за границей не лучше. «Приезжают наши беженцы, изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут, — сообщила она в рассказе «Носталь-

**«Городок был русский,
и протекала через
него речка, которая
называлась Сеной.
Поэтому жители городка
так и говорили: живем
худо, как собаки на Сене»**

гия». — Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, душа, обращенная на восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской и умерли смертью здесь. Вот мы — смертью смерть поправшие! Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда».

В эмиграции — Тэффи обосновалась в Париже — много работала. Публиковалась в газетах и журналах, сочиняла рассказы, пьесы.

Оставила после себя чудесные воспоминания — «эпилог прошлой и невозвратной жизни».

Так же остер, экспрессивен был ее язык, да и юмор не поблек. Только больше грустных ноток сквозило в текстах. Вот одна из таковых, характерно пронзительная: «В молодости думают — кто первый разлюбит? В старости — кто первый умрет?». Повествуя о невеселом житье-бытье наших эмигрантов, она не смогла удержаться от соблазна придать старой, всем знакомой поговорке совершенно новый смысл: «Городок был русский, и протекала через него речка, которая называлась Сеной. Поэтому жители городка так и говорили: живем худо, как собаки на Сене».

В 1943 году над ней «подшутил» американский журнал, сотрудники коего отчего-то решили, что одинокая большая писательница отдала Богу душу. В цветистом некрологе выражалась надежда на то, что «о Тэффи будет жить легенда как об одной из остроумнейших женщин нашего времени, тогда, когда забудутся ее словечки, очерки и фельетоны».

После той эпитафии она прожила еще девять лет. И обрела, как и предсказывалось, посмертную славу. Ее снова читают и почитают в России.

к. КОРОВИН. «ПАРИЖ. ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ»

**Надежда Тэффи:
Моя летопись**
М.: ПРОЗАИК, 2016. — 656 с.

Произведения Тэффи, несмотря на падение всяческих тиражей, перепечатываются у нас регулярно. Любителям качественной мемуарной литературы следовало бы порекомендовать недавно вышедшую в издательстве «ПРОЗАИК» книгу «Моя летопись».

В ней читатель обнаружит такие любопытные факты, касающиеся знаменитостей первой половины XX века, каких не встретит ни в энциклопедиях, ни в хрестоматиях, ни в биографических исследованиях. Тэффи эскизно и в то же время удивительно точно «нарисовала с натуры» Александра Куприна и Алексея Толстого, Аркадия Аверченко и Леонида Андреева, Дмитрия Мережковского и Зинаиду Гиппиус, Анну Ахматову и Николая Гумилева. А также Игоря Северянина, Илью Репина, Федора Шаляпина, Ивана Бунина. И даже Григория Распутина...

Все эти словесные рисунки дают представление об изображенных едва ли не более ясное, нежели толстые тома, написанные специалистами.

Приведем для наглядности лишь пару примеров.

О Куприне: «Жизнь, в которую его втиснула судьба, была для него неподходящая. Ему нужно было бы плавать на каком-нибудь парусном судне, лучше всего с пиратами. Для него хорошо было бы охотиться в джунглях на тигров или в компании бродяг-золотискателей, по пояс в снегу, спасать погибающий караван. Товарищами его должны быть добрые морские волки или даже прямые разбойники, но романтические, с суровыми понятиями о долге и чести, с круговой порукой, с особой пьяной мудростью и чест-

ной любовью к человеку. Он всегда чувствовал на себе кепку, пропитанную морской солью, и щурил глаза, ища на горизонте зловещее облако, грозящее бурей... Зверски пьяный, он травил кошку собаками, но мог бы на пожаре кинуться в огонь, чтобы спасти котенка. Может быть — тоже в пьяном виде, но не в этом дело. Дело в том, что был способен на поступок, на который не всякий добряк решится». О Толстом: «Мне особенно нравился его смех. Если сказать что-нибудь остроумное, он сначала словно опешит. Выпучит глаза, разинет рот и вдруг закрывает густым утиным басом: кхра-кхра-кхра...»

Да, товарищ он был неплохой, но любил друзей подразнить. Набьет портфель старыми газетами и пойдет к кому-нибудь из приятелей, кто позавистливей.

— Вот, — скажет, похлопывая по портфелю, — получил из Америки контракт. Завтра буду подписывать. Аванс небольшой, всего десять тысяч. Да ты чего хмуришься? Сам знаю, что это немного, ну да ведь я не жадный. Тем более что ведь это только аванс, а потом как начнут печатать, так уж пойдут настоящие деньги. Да и слава на весь мир. Там ведь сразу все газеты подхватывают. Да ты чего надулся-то? Или, может быть, тебе тоже контракт прислали, да ты не хочешь признаться, чтоб не завидовали? Эка ты какой! Нехорошо от своих скрывать. Стыдно! Ей-богу, стыдно. А? Ну сознайся, ведь подписал? А?

Доведет приятеля до белого каления и потом рот разинет и из самого нутра:

— Кхра-кхра-кхра.

Утиный смех. Кряква».

Литфонд

Л. Усов. «Игорь Северянин»

Его сиятельство герцог Арлекинский

Дарья Ефремова

16 мая исполнится 130 лет со дня рождения человека, коего русская богема первой четверти XX века знала как принца поэтов и герцога Арлекинского. Он вдохновенно воспевал грезёрок, виконтесс, сюрпризёрок, причем тогда, когда коронованные восставшими массами дикари сбрасывали с парохода современности Пушкина, Достоевского и Толстого.

СЕВЕРЯНИН — это настолько карнавалю, свежо, румяно, ажурно и, невзирая на паркетную салонность, смело, что читателям, литературоведам и собратям по перу, присуждающим пальму первенства, собирать консилиум нужно в масштабах больших, чем столетие. «За» него выскажутся Ходасевич, Чуковский, Цветаева, Шагинян. Мариэтта Сергеевна как-то раз не удержалась в журнальной заметке от длинных выдержек, ей было «жалко выбрасывать красивые строфы» про ласточку, переломавшую в парке лапочку.

«Против» — Бунин, Сологуб, Волошин, Мандельштам и Маяковский. Последний разжаловал герцога в известного рода торговки: «Люди объаты героизмом, роют траншеи, правят полетами ядер, и вдруг из толпы... хорошенький голос: «Крем де фиолет», «ликер из банана», «устрицы», «пудра»! Откуда? Ах да, это в серые ряды солдат пришла маркитантка».

дисткам и субреткам, пока те не обернутся безмозглыми коппелиями с зияющими дырами на месте эмалевых глаз? Впрочем, закружится ли очередная милая деточка в страстном пируэте или рухнет безжизненной куклой, во времена революционных перемен — а они сотрясали не только улицы, но и Парнас — никого не волновало. Корней Чуковский даже опасался, что пришедшие на смену классикам и тонким эстетам-декадентам дикари (он имел в виду футуристов) вот-вот накинута на Игора Северянина с бумерангами, дубинами, скальпами и с криками «Сарча, кроча, буга на вихроль!», не внемля французскому лепету, затопчут его, как фиалку. А потом на всех шифоньерках в желтой гостинной из серого клена расставят яванских, малайских, нубийских кривоногих пузатых идолов.

«Светозарный Игорь Северянин, милый принц, он явился как будто не вовремя. Ведь нынче в моде, напротив, пещерность, звериность, дикарство; поэты из

Хотя вломись (влетит молнией; здесь и далее, пардон, нередки реминисценции) какая-нибудь дежурная адъютантесса — по поводу ли Торквато Тассо, или мороженого из сирени — в пропахшие честным дымом сигарет рокерские кочегарки 90-х, скромно, но со вкусом оборудованные интеллигентские гостиные 70–80-х, на кухни шестидесятников, да хоть на грохочущие подмошки легендарной Таганки, отовсюду была бы изгнана с позором.

Но горевать ли северянинской принцессе? Накинула боа из кудрявых хризантем, и вот уже клевер на моторном ландо везет ее вместе с другими пятнадцатью хохочущими лесософеями и властелиншами голубых антилоп к берегу моря, во дворец или, в крайнем случае, в ресторан. А там миньон с эскамильо, ананасы в шампанском, крем-де-мандарин, страстный кабаљеро...

Поэт крайнего декадана, составитель магических заклинаний из обаятельных (или жутких) слов, он «превращал человеческую мысль в поблескивание стекляруса». Добрейший художник или расчетливый любодей, морочащий головы юным поэтессам, мо-

сил выбиваются, как бы позверинее рывкнуть. Кто же поймет и полюбит теперь [его] волшебные сюрпризы, [его] ажурные стихи!»

Нарочито манерный и даже жеманный на сцене, в длинном сюртуке с лилией в петлице (волосы аккуратно приглажены, «лицо интернационального сноба»), он знал громкие провалы. Поэт-экспрессионист Сергей Спасский вспоминал, как в 1913-м в Тифлисе публика смеялась до слез над его манерой чтения стихов: «Он откровенно запел на определенный отчетливый мотив... Зал хохотал безудержно и вызывающе. Люди хватились за головы... И страннее всего, что через полтора-два года такая же публика будет слушать те же стихи, так же исполняющиеся, в безмолвном настороженном восторге».

Успех пришел в феврале 1918-го, когда в Политехническом музее выбирали Короля поэтов. Развеселая, визжащая, свистящая толпа: в перерывах дело доходило чуть ли не до драк, а из похоронного бюро на всякий случай заказали огромный миртовый веночек. И хотя на звание номинировались и вполне академические литераторы, например, благоразумно не

явившийся на церемонию Бальмонт, листовки в урну набросали почти пополам, другая часть — за самопровозглашенного, громогласного, брутального Маяковского. После того, как свисавший до колен венок нацепили на тощую шею длинного, в долгополом черном сюртуке Северянина и тот, готовясь к протяжной мелодекламации, уже заложил руку за спину, объявили обладателя второго места, вице-короля. Маяковский вскочил на кафедру, резко отстранил людей, пытавшихся надеть регалию и на него, и с возгласом «Не позволю!» начал читать, стоя прямо на столе, свое коронное «Облако». Экспрессивный 24-летний футурист, умевший заряжать не только залы, но и площади, большого значения той игре не придавал, будучи азартным, увлекся ею по ходу. Другое дело — Северянин: он долго стоял в артистической позе, негнувшийся, совершенно отдельный. Было понятно, что сильно переживал.

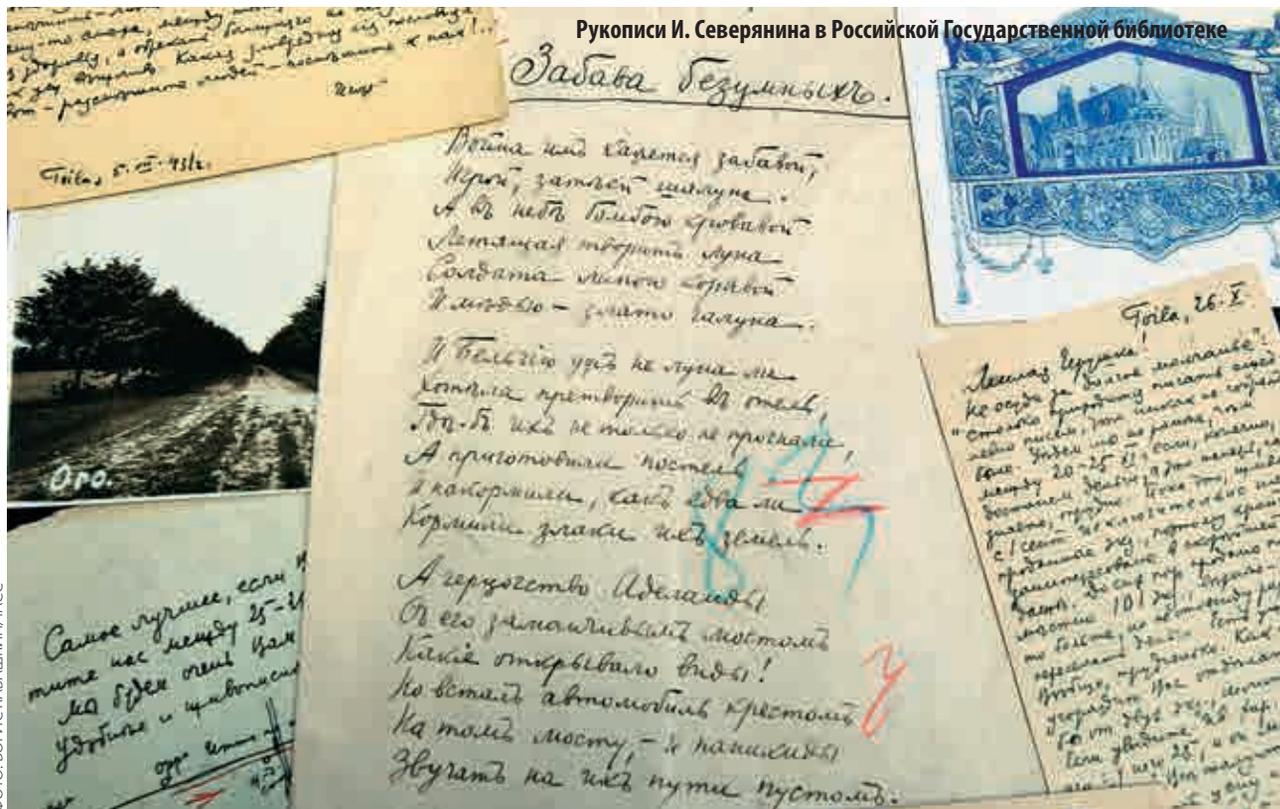
Несвоевременный царственный паяц творил легенду и из собственной биографии, требовал написания псевдонима через дефис (Игорь-Северянин), нарек сына Вахом, няньку нежно называл Дур-Машей, отказался ставить дату рождения в документах дочери («дочь поэта принадлежит вечности»), абсолютно серьезно относился к полусушутливому избранию в короли поэтов, не говоря уж про любовные романы. Его последняя пассия Вера Коренди (Коренева), угрожавшая самоубийством и засыпавшая письмами, в конце концов сумела разлучить Северянина с женой Фелис-

сой Круут, дочерью плотника-чухонца, с которой он познакомился в эмиграции. То была банальная житейская драма (мира и согласия в союзе с Коренди не случилось), но даже она закончилась в духе декадентских стансов: родственники Веры Борисовны не разрешили похоронить поэта в семейной ограде; место для могилы нашлось между обелисками двух Марий с романтическими фамилиями Штерк и Пневская.

«Поэтическое лицо Игоря Северянина определяется главным образом недостатками его поэзии, — писал Мандельштам. — Не чувствуя законов русского языка, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе «галантерейности».

Подобных отзывов много, едва ли не большинство. Однако точнее всего Северянина понял, пожалуй, Чуковский:

«Конечно, он нисколько не Бах и не Вагнер, скорее всего он Массне, салоннейший из композиторов, коего благоговейно воспевают... Он верен себе во всем. Давайте решим на минуту, что снобизм, пшютизм, как и все остальное, имеют право излиться в искусстве и что от художника нам нужно одно: пусть он полнее, пышнее, рельефнее выявит пред нами свою душу, не все ли равно какую. Мелодекламация дамски-альбомных романсов нашего галантного поэта и какие-нибудь гимны Ра, псалмы Ксочиквецали — перед лицом Аполлона равны»...

Рукописи И. Северянина в Российской Государственной библиотеке

ФОТО: БОРИС КАВАШКИН/ТАСС

И. ЛЕВИТАН. «СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. ВЕСНА». 1876–1877

Под сереньким ситцем тихих небес

Константин Паустовский вошел в историю как мастер лирической прозы. Кому-то он знаком в качестве автора пронзительного рассказа «Телеграмма», заставившего актрису Марлен Дитрих при встрече с ним преклонить колени. Куда меньше известна другая ипостась писателя, являвшегося помимо всего прочего удивительно талантливым, самобытным искусствоведом, хотя сам Константин Георгиевич не раз утверждал: именно любовь к живописи помогла настроить его профессиональную оптику.

Ксения Воротынцева

ОДНО из откровенных признаний Доктора Пауста обнаруживается в повести «Золотая роза» (1955): «Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна еще и тем, что художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем это видеть и удивляться, что не замечали этого раньше».

В качестве примера приводится лондонский туман, нарисованный Клодом Моне. Француз совершил настоящий переворот, обратив серо-сизую дымку в огненное зарево: «Дерзость Моне вызвала сначала возмущение. Но возмущавшиеся, выйдя на лондонские улицы, взгляделись в туман и впервые заметили, что он действительно багровый. Тотчас начали искать этому объяснение. Согласились на том, что красный оттенок тумана зависит от обилия дыма. Кроме того, этот цвет туману сообщают красные кирпичные лондонские дома... Моне победил. После его картины все начали видеть лондонский туман таким, каким его увидел художник».

В том же отрывке Паустовский вполне ясно обозначает собственное творческое кредо: для литератора жизненно необходимо аккумулировать достижения «смежных» видов искусства; «знание... поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придает особую выразительность его прозе».

К. МОНЕ. «ВЕСТИМИНСТЕРСКИЙ ДВОРЕЦ, ЛОНДОН. ПРОБИВАЕТСЯ СОЛНЦЕ». 1904

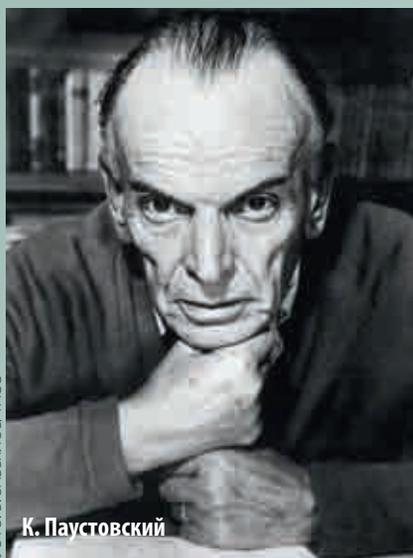

ФОТО: В. ЗАВЬЯЛОВ/ТАСС

«Художник часто замечает то, чего мы совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем это видеть и удивляться, что не замечали этого раньше»

Стремление познать весь мир было характерно для Паустовского. Одна из причин, вероятно, кроется в бесконечных, вольных и невольных, перемещениях по стране. Он родился 125 лет назад в Москве, юность провел в Киеве. Два года в Одессе в Гражданскую войну, позже — Тбилиси, Ереван, Баку...

В 1930-е он открыл для себя мещерские леса, двадцать лет спустя облюбовал Тарусу на Оке. Все это время много путешествовал как журналист и очеркист. Наблюдения за природой и местными нравами сами по себе представляли бесценный материал. И тем не менее главной задачей было увидеть мир особым внутренним зрением, глазами поэта. Своеобразным камертоном служили произведения любимых живописцев, в том числе импрессионистов. Их влияние до-

бавило стилистически безупречной прозе терпких чужеземных нот и оттенков, заставило засверкать практически каждое слово. Особенно завораживали те, кто отличался смелыми колористическими решениями — Гоген и Ван Гог. О последнем наш художник слова писал: «На своих холстах он преобразил землю. Он как бы промыл ее чудотворной водой, и она осветилась красками такой яркости и густоты, что каждое старое дерево превратилось в произведение скульптуры, а каждое клеверное поле — в солнечный свет, воплощенный во множестве скромных цветочных венчиков».

Еще более сочную характеристику литератор дал Гогену: «Парижанин с кофейным загаром и желтыми белками беспокойных глаз... Солнце растапливало краски на его картинах. Сок красок, блестящий и радостный цвет, лился с холстов. Черная синева, песок, коричневый, как тело ребенка, девушки с острыми сосками, тяжелые стены приборев. Золото в лимонах, в мимозах, в вечерах и на бедрах женщин».

Знаковой фигурой для Паустовского стал Нико Пиросмани. Без его работ Константин Георгиевич вряд ли смог бы создать свою «Колхиду» (1934) — оду человеческому героизму, самоотвержен-

ным попыткам превратить болотистые земли в субтропический рай. Повесть отличает великолепный образный язык. Описание южной природы литератор подал как яркое, экспрессивное полотно. Он признавался: «Если бы я не знал Пиросмани, я бы видел Кавказ недопроявленным, как слабый снимок, без красок и теней, без деталей и контуров и без синеющей мглы его полуосточных и полуюропейских пространств. Пиросмани наполнил для меня Кавказ соком плодов и резкостью сухих красок».

Н. ПИРОСМАНИ «ДЕВОЧКА С ВОЗДУШНЫМ ШАРОМ»

Н. ПИРОСМАНИ «ФРУКТОВАЯ ЛАВКА»

И. ЛЕВИТАН. «ПЕРЕД ПРОЗОЙ», 1890

ФОТО: ГАЛИНА КМИТРИА НОВОСТИ

К. Паустовский на прогулке в окрестностях Тарусы. 1964

Автор-романтик посвятил Нико немало выразительных страниц. В частности, привел, а может быть, сочинил легенду о нескольких арбах с цветами, присланных нищенствующим художником актрисе, неприступной Маргарите.

Однако главной любовью Паустовского были не южные земли и не Франция, а обыкновенная русская равнина. В «Мещерской стороне» (1939) он обстоятельно описывает топкие болота и глубокие черные озера древних лесов, еще помнивших татарские набеги. Впервые Константин Георгиевич

И. ЛЕВИТАН. «ВЕСНА. БОЛЬШАЯ ВОДА», 1897

побывал здесь в 1930-м, а в 32-м году поселился в усадьбе, ранее принадлежавшей известному граверу XIX века Ивану Пожалостину, где еще хранились его офорты. Сочинял беллетристику, краеведческие заметки и все больше проникался неброской красотой русской земли. Помогло разглядеть прелесть отечественного пейзажа творчество Левитана. Без незримого участия Исаака Ильича едва ли родились бы подобные строки: «Путь в лесах — это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие масляки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки».

Именно благодаря художнику Константин Паустовский сумел прочувствовать поэзию сумрачных дождливых дней: «Если обращаться к примерам из своей жизни, то я впервые увидел все разнообразие красок русского ненастья после картины Левитана «Над вечным покоем». До тех пор ненастье было окрашено в моих глазах в один унылый цвет. Вся тоскливость ненастья и вызывалась, как я думал, именно тем, что оно съедало краски и заволакивало землю мутью.

Но Левитан увидел в этом унынии некий оттенок величия, даже торжественности, и нашел в нем много чистых красок. С тех пор ненастье перестало угнетать меня. Наоборот, я даже полюбил его за чистоту воздуха, холод, когда горят щеки, оловянную рябь рек, тяжелое передвижение туч. Наконец, за то, что во время ненастья начинаешь ценить простые земные блага — теплую избу, огонь в русской печи, писк самовара, сухую солому на полу, застланную грубым рядом для ночлега, усыпительный шум дождя по крыше и сладкую дремоту».

В. ВАН ГОГ. «ФРУКТОВЫЙ САД В ЦВЕТУ (СПИВЫ)», 1888

Жестом ответной благодарности стала повесть об Исааке Левитане, включенная наряду с очерком, посвященным Оресту Кипренскому, в «Книгу о художниках» (1937). Сочетая фабульные повороты и прекрасный слог с размышлениями о природе творчества, Паустовский сумел рассказать о гении живописи так, что это оказалось чрезвычайно интересно широчайшему кругу читателей. Так он воздал должное классике, научившему его видеть, чувствовать сверхценность

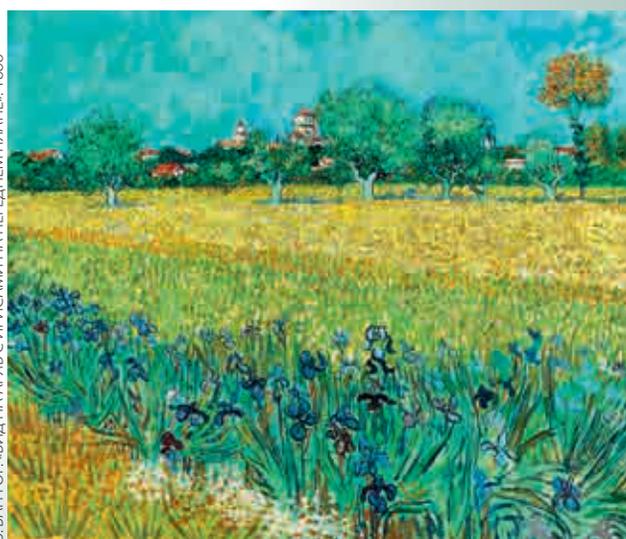
П. ГОГЕН. «ПЕЙЗАЖ БЛИЗ АРЛЯ», 1888

П. ГОГЕН. «ТОПОЛЯ, ОСНИИ», 1883

В. ВАН ГОГ. «ВИД НА АРЛЬ С ИРИСАМИ НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ», 1888

русской природы, любовь к которой Константин Георгиевич пронес через всю жизнь.

Поэтому неудивительно, что строки более поздних «Заметок о живописи» (1957) звучат как возвышенная клятва: «Мы никогда не променяем на самые торжественные красоты тропиков и Запада наши скромные дали. Мы родились и жили «под сереньким ситцем этих северных тихих небес», их красота слилась со всей нашей жизнью, они были ее свидетелями, и потому только мы можем с полной силой ее ощутить и понять».

Огненный экипаж

Валентин Буров

Один из первых героев Великой Отечественной Николай Гастелло совершил свой знаковый подвиг на пятый день войны. Уже спустя несколько суток об этом узнала вся страна.

В начале мая, накануне Дня Победы, будет отмечаться 110-летие со дня рождения этого замечательного человека с необычной для Центральной России фамилией и довольно типичной довоенной биографией.

Не до рефлексий

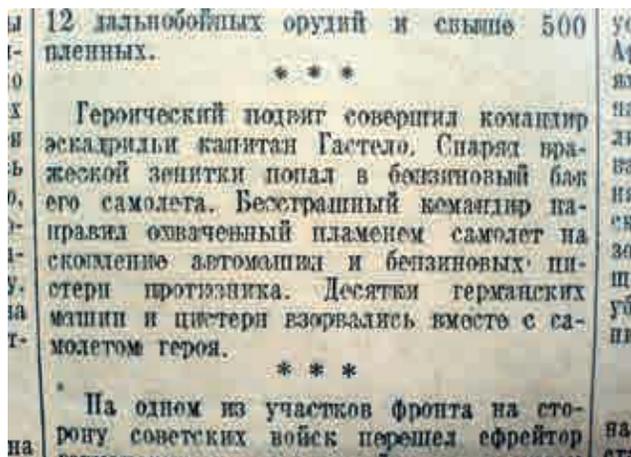
5 июля 1941 года в вечерней сводке Совинформбюро сообщалось: «Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя».

Огненный таран летчик-офицер предпринял 26 июня. Звено под его командованием выполняло боевое задание в районе шоссе Молодечно — Радошковичи, в Белоруссии. Вместе с Гастелло в бомбардировщике Ил-4 (ДБ-3Ф) находились штурман лейтенант Анатолий Бурденюк, стрелок-радист старший сержант Алексей Калинин и стрелок лейтенант Григорий Скорбогатый. Второй самолет вел старший лейтенант Федор Воробьев, штурманом у него значился лейтенант Анатолий Рыбас, имена других членов того экипажа, увы, не сохранились.

Во время атаки на скопление немецкой техники самолет Гастелло был подбит. Затем произошло то, о чем говорилось в приведенной сводке Совинформбюро и что подтвердили в рапортах Воробьев и Рыбас.

Н. Гастелло с женой. 1934

10 июля «Правда» напечатала очерк Петра Павленко и Петра Крылова «Капитан Гастелло». Вот фрагмент из той исторической публикации:

«Машина в огне. Выхода нет. Что же, так и закончить на этом свой путь? Скользнуть, пока не поздно, на парашюте и, оказавшись на территории, занятой врагом, сдать в постыдный плен?..

Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника мчит он огненный комок своего самолета. Огонь уже возле летчика. Но земля близка. Глаза Гастелло, мучимые огнем, еще видят, опаленные руки тверды. Умирающий самолет еще слышится руки умирающего пилота.

Так вот закончится сейчас жизнь — не аварией, не пленом — подвигом!

Машина Гастелло врзается в «толпу» цистерн и машин — и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны».

Конечно же, авторы очерка не могли знать, что происходило в горящем самолете. Да и вряд ли мужественные (как сказали бы сейчас, «брутальные») летчики лихорадочно рефлексировали на тему жизни и смерти, славы и бесчестия. Некогда было заниматься самокопанием, в распоряжении оставались считанные секунды. Хотя наверняка в сознании героев сильнее обычного полыхнула лютая ненависть к врагу, дало знать о себе жгучее желание мести за поруганную родную землю. И задор, русский, неистовый, во всей своей природной мощи пробудился — умирать, так с музыкой, забрать с собой туда, «откуда ни один не возвращался», с десятков-другой проклятых фрицев, сжечь, сколько получится, цистерн, машин с крестами на броне...

26 июля 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Гастелло было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его навечно зачислили в списки второй эскадрильи 194-го отдельного гвардейского Брянского Краснознаменного военно-транспортного авиационного полка.

Москва — Муром — Москва, далее — везде

Николай Гастелло — москвич. Его родители Франц Павлович и Анастасия Семеновна, сам он и младший брат Виктор жили в двухэтажном доме на 3-й Мещанской улице. Будущий пилот сидел за партой в 3-м Сокольническом мужском училище имени Пушкина. Затем, когда исполнилось 15 лет, устроился учеником столяра.

В 1924-м семья переехала в Муром, где старший сын трудился уже слесарем на Паровозостроительном заводе имени Дзержинского. Там же работал отец.

В 1930-м дружное семейство возвращается в Москву, Николай переходит на Первый государственный механический завод строительных машин имени 1 Мая.

Начало биографии — самое обычное. Все меняется после того, как Гастелло по путевке московского горкома ВКП(б) направлен в Луганскую школу пилотов имени Пролетариата Донбасса. Завершив учебу, становится вторым пилотом бомбардировщика ТБ-3, а вскоре ему доверяют штурвал. В мае 1940-го он, уже бывалый летчик, участник боевых действий на Халхин-Голе и советско-финской войны, назначается заместителем командира эскадрильи.

По немногочисленным свидетельствам людей, знавших Николая Гастелло, он был выше среднего роста, очень доброжелательным и аккуратным. Стройная и подтянутая фигура выдавала в нем спортсмена. Хорошо бегал, любил играть в футбол.

За месяц до Великой Отечественной ждало новое повышение в должности: 34-летний капитан — командир 4-й эскадрильи 207-го полка 42-й дивизии 3-го авиакор-

ФОТОГРАФИИ: ИТАР-ТАСС

Члены героического экипажа Гастелло: Г. Скоробогатый, А. Бурденюк, А. Калинин

пуса дальней бомбардировочной авиации. Соединение базировалось в поселке Боровском Смоленской области.

«С Гастелло познакомился вскоре после того, как он прибыл в полк, — рассказывал помощник начальника оперативного отдела дивизии Георгий Поздняков. — Сблизило меня и Гастелло то, что мы оба... оказались футболистами, оба с нетерпением дожидались наступления лета, чтобы выйти на спортивную площадку... Умел... расположить к себе: в обращении был прост, но зря времени не терял на болтовню или, как у нас говорят, на «баландерство»... Старался время использовать для того, чтобы имеющиеся летные кадры и материальную часть подготовить надлежащим образом к прибытию молодых пополнений».

Завтра была война

В субботу, накануне 22 июня, Николай Францевич обсуждал с восьмилетним сыном Виктором предстоящую поездку в Смоленск. Однако рано утром в воскресенье к Гастелло примчал посыльный с пакетом — всем летчикам полка следовало срочно прибыть на аэродром.

Машина капитана вместе с другими краснозвездными самолетами поднялась в воздух. Они атаковали немецкую механизированную

колонну в районе приграничного поселка Лептуны, били по танкам, бронетранспортерам и автомобилям гитлеровцев.

«Как показал первый же день войны, основные потери наши бомбардировщики несли из-за беспрепятственных и результативных атак немецких истребителей, — рассуждал впоследствии Виктор Гастелло (сын, брат героя погиб подо Ржевом в 1942-м). — Наши дальние бомбардировщики летали на удобной для немцев высоте 1000–3000 метров совершенно без прикрытия своих истребителей».

Отец пришел домой поздно, мрачный и усталый, ужинал и пил чай молча, на вопросы отвечал односложно, наверное, он многое увидел и мог рассказать, но не рассказывал».

Начальник оперативного отдела майор Сергей Лукьянов вспоминал, что капитан Гастелло после выполнения боевого задания по уничтожению танковых колонн на шоссе Брест — Пружаны пришел к нему. «Как бомбили?» — спросил майор. «Бомбили-то хорошо, но есть потери, — был ответ. — Нужно прикрывать истребителями, потому что у немцев так много истребителей, что даже страшно».

За неделю неприятель уничтожил на аэродромах несколько тысяч со-

ветских истребителей. Потому-то и ощущалась их нехватка. В романе Константина Симонова «Живые и мертвые» есть пронзительный эпизод, когда на бомбардировщики ТБ-3, идущие без прикрытия, безнаказанно нападают немецкие летчики:

«И Синцов увидел, как уже не один, а два «мессершмитта» вынырнули из облаков и вместе, почти рядом, с невероятной скоростью догнав три тихоходные машины, прошли мимо заднего бомбардировщика. Он задымил, а они, весело взмыв вверх, словно радуясь встрече друг с другом, разминулись в воздухе, поменялись местами и еще раз прошли над бомбардировщиком, сухо треща пулеметами. Он вспыхнул весь сразу и стал падать, разваливаясь на куски еще в воздухе».

Николай Францевич открыл боевой счет 24 июня — сбил немецкий Ю-88, вынырнувший из-за облаков и принявшийся поливать огнем из пулеметов наш аэродром. В ответ началась стрельба с земли. Самым метким оказался Гастелло. Он дал длинную очередь из турельного пулемета, «Юнкерс» задымил и упал за ближайшим лесом. Экипаж взяли в плен. 3 июля 1941 года «Правда» напечатала снимок поверженного бомбардировщика

Памятник экипажу Н. Гастелло на месте гибели бомбардировщика

Ю-88. Командовал им опытный германский ас, обладатель «Железного креста»...

Эскадрилья снова атаковала вражеские позиции, и опять не обошлось без тяжелых потерь. Самолет Гастелло был поврежден, однако тогда удалось дотянуть до своих. На другой день капитан поднимает наскоро отремонтированный бомбардировщик в небо и выходит на цель. Охота получается удачной: советские летчики, быстро набирающие боевой опыт, уничтожают несколько стервятников.

«В тот последний вечер, 25 июня, — вспоминал Виктор Гастелло, — отец после полетов сказал маме:

— Аня, собирайся, завтра утром эвакуация, очередь нашей эскадрильи.

Меня поразили потемневшее лицо отца, сухой блеск его воспаленных глаз. Он обнял меня, больно и резко прижал к металлическим пуговицам на гимнастерке, так мы стояли несколько мгновений. Потом он меня отпустил и пошел в другую комнату. Я посмотрел ему вслед, не предполагая, что вижу отца последний раз...».

Героев — четверо

Книга «Мой отец — капитан Гастелло» увидела свет в 2000-е и, как ни странно, стала едва ли не един-

ственным документальным повествованием, содержащим массу непротиворечивых подробностей о жизни героя. И это при том, что его имя закономерно увековечено в топонимах и прочих наименованиях — поселка, села, стадиона, парка, множества улиц России и других республик бывшего Советского Союза.

В первые послевоенные годы композитор Виктор Белый и поэт Виктор Винников написали песню «Баллада о капитане Гастелло», воспел подвиг бесстрашного летчика и драматург Исидор Шток. Хотя у него капитан совершает свой великий таран на истребителе. Дело в том, что и в сводке Совинформбюро, и в указе Президиума Верховного Совета фигурировал лишь один пилот — Гастелло. Получалось, что упоминать в пьесе кого-то еще автору было не с руки: не мог летчик один находиться в четырехместном бомбардировщике, значит, его следовало «посадить» в одноместный истребитель.

Хотя в наградном листе четко указано — подвиг совершила четверка: «26 июня капитан Гастелло с экипажем: Бурденюк, Скоробогатый и Калинин — повел звено ДБ-3 бомбить зарвавшихся фашистов».

Почему самой высокой правительственной награды удостоили только командира? Этим вопросом

не мешало бы задаться и в наши дни, дабы историческая справедливость в отношении «забытых» была восстановлена в полной мере. Что, впрочем, не дает ни малейшего повода усомниться в величии подвига самого Гастелло. Ведь еще совсем недавно, в годы тотальной дегероизации (читай дегградации) — в том числе под условным девизом: «Не надо было так упираться в войне, давно бы пиво баварское пили» — кто только не пытался нажить себе политический капитал на всевозможных исторических спекуляциях, на ревизии правды о Великой Отечественной.

...На развилке дорог под городом Радошковичи в сорока километрах от Минска стоитobelisk-памятник экипажу Гастелло. Выбиты дата подвига — 26 июня 1941 года и имена погибших героев.

Несколько слов о храбрых летчиках. Самым молодым был Анатолий Бурденюк — ему едва исполнилось девятнадцать. В 1940-м он окончил Челябинское военно-авиационное училище. В звено Николая Францевича попал весной 1941-го.

О 22-летнем Алексее Калинине, по словам Виктора Гастелло, отец отзывался лаконично: «Надежный, грамотный парень, с которым в полете есть полная уверенность». Учебу в военной школе младших авиационных специалистов Калинин завершил незадолго до начала войны.

Выпускник Харьковского военно-авиационного училища Григорий Скоробогатый впервые оказался в экипаже Гастелло в то роковое утро 26 июня. Ему было 24 года.

Отчасти справедливость все-таки восторжествовала: в 1958-м три члена экипажа самолета Гастелло были награждены орденами Великой Отечественной войны I степени (посмертно).

На семи холмах

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ФИЛИППОВ/РИА НОВОСТИ

Мы помним, мы гордимся

Ольга Марьяновская

8 мая 2017 года исполняется ровно полвека со дня открытия в Москве у Кремлевской стены общенационального мемориала воинской славы — Могилы Неизвестного Солдата. За 50 лет в столице возвели немало монументов, посвященных Великой Отечественной. Но именно этот лаконичный, во всех отношениях строгий архитектурный ансамбль стал всемирно известным символом памяти русского народа о героях, отдавших жизнь за Победу.

В 1963 году зеленоградские школьники обнаружили в лесу окоп с телами 12 погибших красноармейцев. Останки с почестями похоронили на 41-м километре Ленинградского шоссе. В ноябре — начале декабря 1941-го здесь, возле легендарного поселка Крюково, проходили ожесточенные бои. Ценой огромных потерь продвижение фашистских захватчиков было остановлено, после чего Красная Армия перешла в контрнаступление...

Вторая половина 1960-х знаменательна процессом, отголоски которого хорошо слышны и по сей день. Именно тогда в стране формировался самый безупречный наш идейно-политический феномен — культ Победы. Всенародное чествование героев Великой Отечественной стало в ту пору делом чрезвычайно востребованным и важным. Хотя руководители СССР не изобрели здесь, в сущности, ничего нового, они лишь возродили дореволюционную традицию почитания защитников Отечества, самоотверженно бившихся с интервентами во все века нашей истории.

В первые «брежневские» годы советские граждане еще очень хорошо помнили тяготы и ужасы военного лихолетья, повторяли, как священную мантру: «Лишь бы не было войны». Искреннее чувство благодарности по отношению к тем, кто «себя в бою не пожалел, а Родину сберег», объединяло миллионы. И эта душевная связь оказалась намного прочнее всех других. Еще живы были матери и отцы, потерявшие на войне своих детей. Выросло поколение людей, оставшихся 20–25 лет назад без родителей, старших сестер, братьев. А самая тяжелая память выпала на долю тех, кто не просто лишился близких, но даже не знал, где погребены их тела...

Когда пришел черед создания мемориала Неизвестному Солдату у Кремлевской стены, прах погибшего воина взяли из того самого подмосковного захоронения. По сохранившейся униформе определили, что безымянный герой пал в сражении, будучи рядовым. 3 декабря 1966-го, в дни празднования 25-летия битвы за Москву, саркофаг, перевитый оранжево-черной лентой (изначально — георгиевской, в советские годы — солдатского ордена Славы), со стальной каской времен войны на крышке, доставили в Москву. От Белорусского вокзала до Манежной площади везли на артиллерийском лафете, в сопровождении почетного караула и ветеранов, под звуки большого духового оркестра. Тысячи москвичей и приезжих встречали траурно-торжественную процессию на протяжении всего пути.

После был митинг. На нем среди устроителей и почетных гостей присутствовал маршал Победы

Георгий Жуков. Право произнести речь было предоставлено маршалу Константину Рокоссовскому, это ведь он командовал 16-й армией, в составе которой воевал неизвестный герой. Выступили также Любовь Космодемьянская, мать Зои и Александра, прославленных Героев Советского Союза, доблестные ветераны. Под трехкратный артиллерийский салют Неизвестного Солдата похоронили в Александровском саду. Торжественным маршем завершили ту декабрьскую церемонию кремлевские курсанты, слушатели военных академий, пограничники, моряки и суворовцы.

В следующем году в столицу прибыли делегации из многих городов, овеянных боевой славой, и все пришли поклониться безвестному герою.

Проект памятника из серого и красного гранита, а также черного лабрадорита, с бронзовой пятиконечной звездой в центре, разработали для Вечно-го огня архитекторы Дмитрий Бурдин, Владимир Климов и Юрий Рабаев. Выразительная скульптурная композиция гармонично вписалась в окружающее пространство. Сочинение эпитафии поручили писателям Сергею Смирнову, Константину Симонову, Сергею Михалкову и Михаилу Луконину. Они долго советовались, вспоминали надписи на мемориалах за рубежом и наконец остановились, сделав небольшую поправку, на тексте, предложенном Михалковым. Так, на гранитной плите было начертано: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Л. Брежнев зажигает Вечный огонь у Могилы Неизвестного Солдата в Александровском саду. 1967

Торжественное открытие — в присутствии правительства СССР и руководства города — состоялось накануне Дня Победы, 8 мая 1967-го. Из Ленинграда, с Марсова поля военнослужащие Таманской мотострелковой гвардейской дивизии привезли пламенеющий факел. Последние метры, по Манежной площади, его нес Герой Советского Союза Алексей Маресьев. А зажег Вечный огонь руководитель страны, генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

В 1975 году к 30-летию Победы мемориал украсили бронзовой скульптурой работы Николая Томского. На ней изображены ниспадающее боевое знамя, солдатская каска и лавровая ветвь. Камерное, но в то же время весьма экспрессивное, отличающееся мощной символикой-энергетикой решение выбрали из нескольких вариантов предложенных композиций. Позже слева от надгробной плиты добавили стену из кварцита с надписью «1941 — Павшим за Родину — 1945». Вдоль 141-метровой гранитной аллеи, ведущей к памятнику, в разные годы, с 1966-го по 1986-й, установили блоки из темно-красного порфира с названиями городов-героев и чеканным изображением медали «Золотая Звезда». Там находятся капсулы с землей, присланной с мест исторических сражений Великой Отечественной.

12 декабря 1997-го к Могиле Неизвестного Солдата от Мавзолея Ленина был перенесен пост почетного караула №1, который несут военнослужащие Президентского полка. Смена караула происходит каждый час. Ритуал величав, эстетически безупречен, движения постовых строго синхронны, выверены. Впечатляет, особенно иностранцев, особый кремлевский шаг: от вытянутого носка до земли — 20 см; движение прямой в колене ноги, идущее от бедра; при этом правая и левая подошвы должны опускаться на одну линию. Эти строевые прие-

Памятник Защитникам Москвы на 41-м километре Ленинградского шоссе

мы сохраняются с царских времен, а в элитные войска, где им обучают, отбираются только самые достойные молодые люди — с образцовой биографией и хорошей внешностью, высокие, подтянутые, спортивные. Служба почетна, но весьма нелегка.

В преддверии празднования 65-летия Победы памятник реконструировали. Композицию дополнили стелой в честь 45 городов воинской славы. 8 мая 2010 года обновленный мемориал открыли в присутствии президентов России, Белоруссии и Украины.

4 ноября 2014-го Владимир Путин подписал закон, в соответствии с которым 3 декабря отмечается День Неизвестного Солдата. Дата была установлена ради увековечения памяти, ратных подвигов российских и советских воинов, погибших в результате боевых действий на территории нашей страны или за ее пределами — тех, чьи имена остаются неизвестными. Идею учреждения такого Дня предложили участники поисковых отрядов, до сих пор продолжающих находить погибших и пропавших без вести на войне, восстанавливать их имена, оповещать родных, проводить церемонии перезахоронения.

Президент России, лидеры иностранных государств, главы традиционных конфессий, государственные и общественные деятели,

ветераны ежегодно возлагают к Могиле Неизвестного Солдата венки. В День Победы телевизионные кадры с этого сакрально-символического места традиционно сопровождают минуту молчания. Внуки и правнуки героев Великой Отечественной регулярно приходят сюда с гвоздиками, розами и тюльпанами. С момента создания Могилы Неизвестного Солдата и по настоящее время существует обычай посещения мемориала молодоженами, свежеспеченными выпускниками школ.

А недавно появилась новая традиция: ранним утром 9 Мая ветераны и молодежь с зажженными свечами в руках несут здесь почетную вахту...

Последнее на момент подготовки этого материала многолюдное мероприятие в Александровском саду было связано, увы, с трагическими событиями. 6 апреля тысячи москвичей и гостей города пришли на акцию памяти о жертвах теракта в метро Санкт-Петербурга, несли цветы, ставили лампы и свечи к стеле города-героя Ленинграда. Суть траурной церемонии кратко и точно выразил объединивший всех лозунг «Питер, мы с тобой!».

Вечный огонь — символ не только памяти и скорби, но и торжества жизни над смертью. Эта знаковая система хорошо понятна всем русским людям.

ФОТО: НИКОЛАЙ СИПНИКОВ/РИА НОВОСТИ

Эй, встречай, с Победой поздравляй

«Ехал я из Берлина по дороге прямой, на попутных машинах ехал с фронта домой. Ехал мимо Варшавы, ехал мимо Орла — там, где русская слава все тропинки прошла» — фронтовики, впервые услышавшие эту песню уже спустя считанные месяцы после войны, не сомневались: слова к ней сочинил один из них. И пусть у многих бойцов возвращение к домашним очагам едва ли ассоциировалось с быстрым, задорным, плясовым, по сути, ритмом, общее настроение долгожданной, выстраданной радости было передано поразительно точно. 30 мая со дня рождения Льва Ошанина исполнится 105 лет.

Денис Бочаров

НЕСРАВНЕННЫЙ автор «военно-дорожной» лирики с началом Великой Отечественной, конечно же, рвался на передовую, однако с его чересчур слабым зрением это было просто невозможно. Несбывшиеся свои желания-стремления он с лихвой компенсировал сотнями удивительных, проникновенных строк и строф, которые послужили основой для песен и тем самым их обессмертили. И все же оперировать по отношению ко Льву Ивановичу термином «поэт-песенник» не то чтобы не вполне почтительно — скорее неверно.

«Важно для судьбы песни, чтобы тройственное содружество поэт — композитор — артист было бы подлинным союзом творческих единомышленников», — таким образом он не столько даже определял собственное профессиональное кредо, сколько делился идеальным рецептом музыкально-лирического произведения малой формы.

Казалось бы, это высказывание именитого мастера большим откровением не является. Действительно, лишь при наличии и гармоничном сочетании названных ингредиентов композиция будет, что называется, работать. Но вся штука в том, что далеко не каждому творцу, ступившему на тернистый песенный путь — будь то автор музыки, слов либо певец, — судьба дарует верных и адекватных по уровню дарования коллег. Великие триады появляются в истории нечасто.

Ошанину в этом смысле повезло. Песни на его стихи исполняли лучшие советские артисты — от Марка Бернеса до Юрия Гуляева, от Эдиты Пьехи до Людмилы Зыкиной... А про дефицит композиторской

ФОТО: БОРИС САРАНЦЕВ/ТАСС

Л. Ошанин с военными курсантами на всесоюзном Некрасовском празднике в музее-заповеднике «Карабиха». 1985

составляющей и вовсе говорить излишне: со Львом Ивановичем почитал за честь сотрудничать едва ли не весь цвет отечественного музыкального искусства: Никита Богословский, Аркадий Островский, Оскар Фельцман, Марк Фрадкин, Эдуард Колмановский, Александра Пахмутова, Ян Френкель, Давид

Тухманов... Всех не упомнишь и не перечислишь.

В этом всеобщем стремлении создать нечто совместное с ним — автором «Гимна демократической молодежи мира», ориентированного на детвору шедевра «Пусть всегда будет солнце», песен «Я работаю волшебником», «А у нас во дворе есть девчонка одна» и многих других — нет ничего удивительного. Ведь он не просто генерировал тексты, превосходно расцветивающие мелодико-гармоническую ткань, но был самым настоящим, крупным поэтом. В контексте наследия, оставленного Ошаниным, добавка-расшифровка «песенник» выглядит порой неуклюже. И дело здесь не в том, что за всю свою творческую деятельность он опубликовал в общей сложности более семидесяти сборников разнообразных сочинений. Статистические показатели сами по себе мало о чем говорят.

Когда речь заходит о мастерах слова, которые прославились, завоевали любовь миллионов в основном благодаря песне, вольно или невольно закрадывается вопрос: а насколько состоятельны рифмованные строчки без музыкального обрамления, производят ли столь же внушительный эффект исключительно на бумаге? И нередко бывает так: сначала казавшееся безукоризненным, а затем

разложенное по полочкам, разобранный на кусочки произведение утрачивает заложенную в нем мощь, притягательность. Не слыша голоса артиста, абстрагировавшись от созданной композитором мелодии, оставив перед глазами голый текст, мы зачастую бываем в подобных случаях разочарованы. Ибо он, лишенный звуковой подпитки, уже не выстреливает, не цепляет.

Так вот это — не про Ошанина. Если совершенно беспристрастно, открыв томик и на время позабыв о знакомых с детства мелодиях, вчитаться в строки «Песни о тревожной молодости», «Таежного вальса», «Школьной польки», то станет очевидным: эти стихи не ограничиваются ролью простой начинки для музыкальных композиций. Не говоря уже об известных каждому в нашей стране лирических образах, являющихся без преувеличения примерами большой поэзии:

Издалека долго течет река Волга, // Течет река Волга — конца и края нет... // Среди хлебов спелых, среди снегов белых // Течет моя Волга, а мне семнадцать лет...

Или:

Смерть не хочет щадить красоты — // Ни веселых, ни злых, ни крылатых, // Но встают у нее на пути Люди в белых халатах...

Или:

Эх, дороги... Пыль да туман, // Холода, тревоги, да степной бурьян. // Снег ли, ветер вспомним, друзья. // Нам дороги эти позабыть нельзя.

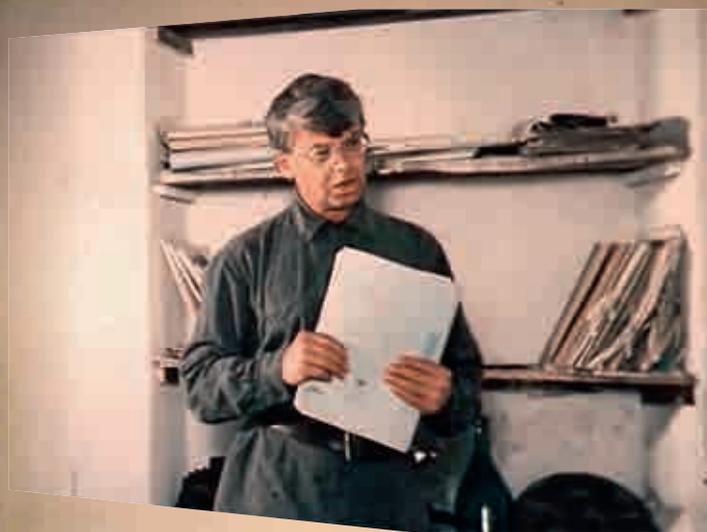
Не сказать, что выдающийся поэт по жизни был мягким человеком с покладистым характером. Сложная судьба научила ощетиниваться, держать удар — за 84 года, отпущенных свыше, Лев Иванович прошел очень длинный и тернистый путь, на котором познал все нюансы взаимодействия с обществом — от травли и доносов, связанных с социальным происхождением (отнюдь не рабоче-крестьянским), до признания на уровне первых лиц государства, а вместе с тем искренней народной любви. Но именно благодаря закаленному характеру лучшие стихотворения Ошанина столь честны, нравственны, естественны, а главное, внятны и доходчивы.

Сохранилось немало фотографий, где он предстает скромным человеком в неизменных очках с массивной роговой оправой. В качестве безошибочно узнаваемой детали к образу они присутствуют и на памятнике, установленном в 2003 году на набережной в Рыбинске, родном городе поэта.

«Гляжу в тебя, Волга, — словно сообщает нам скульптура, — второй десяток лет».

Стоп-кадр

«Зеленый фургон». 1983

Товарищ Шурик

Николай Ирин

30 мая исполнится 80 лет со дня рождения Александра Демьяненко, знакомого практически каждому соотечественнику под экранным именем Шурик. Налицо тот случай, когда персонаж масскульта настолько основательно придуман и выполнен, что закономерно становится фольклорным, та ситуация, когда культура для широких масс лишь притворяется легкомысленной.

В ДОВОЕННЫЙ период государство окультуривало гигантские социальные пласты, которые, кто бы что ни говорил, действительно дали невиданные доселе всходы, включая закрепленные конституцией права с возможностями. Взамен от народа требовалась дисциплина плюс известные физические и волевые усилия. Страна налаживала самоорганизацию, хозяйствовала, готовилась воевать.

Тракторист Клим Ярко и красный командир Василий Иванович Чапаев — из простонародья, психически и морально устойчивые, психологически прозрачные. Их задачи трудны, но всем понятны. Это люди большого полета, цельные и сильные. Великая Отечественная стала для таких временем героической реализации.

«Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». 1967

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Победа обеспечила Советскому Союзу предельно высокий геополитический статус и открыла новые перспективы. Теперь этот повзрослевший колосс замыслил и осуществлял на практике один технологический прорыв за другим. Атомная энергетика, военная и мирная, грандиозное строительство производственных объектов и жилья, очевидный гуманитарный скачок, выразивший себя как в росте образовательного уровня, так и в богатстве художественной образности — все это актуализировало нового социального героя.

В 50-е молодежи еще предлагались в качестве ориентиров обаятельные, целеустремленные, но, в общем, далекие от высших материй солдаты Иван Бровкин и Максим Перепелица, однако 60-е с их культурой антитезой «физики — лирики» потребовали уже всесторонне подкованного студента, очкарика. Шурик — это гениальный по точности ответ Леонида Гайдая, его товарищей-сценаристов Якова Костюковского и Мориса Слободского на запрос шагнувшей далеко вперед в своем цивилизационном развитии социальной общности.

«Учись, студент!» — навязывает Шурику образец циничного пове-

дения антигерой нового типа, бывалый хулиган и туняец из «Операции «Ы!». Теперь, когда страна превратилась в сверхдержаву и не страшится диверсантов, шпионов и прочих внешних супостатов, пришла пора ей обратить взор на себя. Совершенно иной враг явил себя во всей своей крайне неприглядной полноте. Точнее, это наш прежний (философы, вероятно, назвали бы «ветхий») человек, но в ситуации, когда актуализировались иные поведенческие стандарты, выгля-

«Операция «Ы!» и другие приключения Шурика». «Наваждение». 1965

дит он совсем неприлично. Ему, представьте, тоже свойственны психологическая устойчивость и психическая прозрачность, но эти свойства никого в большом советском зрительном зале не радуют.

«Давай, бухти мне, как космические корабли бороздят Большой театр, а я посплю», — насмехается во многом типичный, весьма довольный социальными гарантиями простак, категорически не желающий духовно и нравственно развиваться. И Шурик вступает в бой — с косностью, агрессией, архаичной манерой поведения. Он — и материализовавшийся символ, и особо значимый маркер, и, если угодно, инструмент гуманитарно-научного анализа и синтеза.

«А, влип, очкарик! Ну, студент, готовься, скоро на тебя наденут деревянный макинтош!»... Далее главный герой воплощает идею стоицизма. Демьяненко с предельной точностью играет его терпеливую решимость выполнять свою цивилизационную миссию несмотря ни на что. «Делай, что должно, и будь, что будет» — этот девиз словно впечатан в психофизику артиста.

У него активное, собранное тело, сосредоточенное выражение лица и удивительно красивый голос —

плотный, густой, выразительный, как бы заземляющий персонажа, обеспечивая ему метафизическую неуязвимость. Образ держится в основном на этом парадоксальном сочетании: внешность и манеры Иванушки-дурачка, голос, интонации — зрелого, ответственного, мудрого мужчины.

Надо полагать, в национальной мифопоэтике Шурик занимает законное место рядом с Василием Ивановичем Чапаевым. Не суть важно, что один зовется по имени-отчеству, осознает свою исходную простоту, порой намеренно важничает и эпизодически нервничает, задирая при этом голос до самого верха, а другого кличут уменьшительно-ласкательно, у него устоявшаяся система ценностей, стабильно крепкая психика и надежный голос-якорь. Про одного существует миллион первоклассных анекдотов, а второму в этом смысле предъявить нечего. Принципиально то, что Шурик совсем не боится быть смешным, ответственность для него важнее позы и хороших манер. Каждый в сей случайно подобранной паре предельно индивидуален и при этом органически связан с тем, что мы именуем «народом». Основная характеристическая, базовая категория и того, и другого — чувство долга.

Еще одно важное умение Шурика, уже отмеченное сценаристами, но невероятно трудно подающееся исполнению, — доведенная до гротеска сосредоточенность. В новелле «Наваждение» из «Операции «Ы», где он, настро-

«Карьера Димы Горина». 1961

«Взрослые дети». 1961

«Государственный преступник». 1964

ившись на зубрежку, не замечает красивой девушки и совместного путешествия в ее квартиру, задана его ключевая личностная черта: не разбрасываясь, не теряя времени

на случайные, пускай даже соблазнительные приключения, делать дело невзирая ни на что.

Демьяненко — не просто талантливый комик. Он смог упаковать в жанровую форму высокое и серьезное содержание. Недаром же супруга Гайдая Нина Гребешкова специально заметила: «Очень исполнительный актер!» Вспомнилась, как старался тот в точности следовать всем указаниям постановщика. Выходит, полное совпадение персонажа и человека обеспечило кинообразу, не побоимся громкого слова, бессмертие.

Позднее Александр Сергеевич экранным Шуриком тяготился. Тотальная узнаваемость привела к тому, что диапазон амплуа сузился и серьезные потенциальные роли прошли мимо. Хотя случались и неожиданные выходы за пределы, казалось бы, раз и навсегда обозначенного круга. Скажем, выразительный образ замдиректора фотокомбината Валерия из фильма Наума Бирмана «Учитель пения» — работа высокопрофессиональная, даже изысканная.

Демьяненко играет больше, нежели частного человека, воплощает народившийся общественный тип:

— Пойду я далеко.

— В каком направлении?

— В международном.

Вновь гениально доделывает голосом то, что в эпизодической роли не прописано: «Живете тесновато, а связи у вас есть?» Тут дается специфический вариант «развития» грамотного студента: на дворе начало 70-х, надежды на самоотверженных Шуриков не вполне оправдались. Они, конечно, успели совершить много славных дел, однако постепенно их вытеснил из сознания современников и с территории ковки-плавки социального престижа такой вот хваткий, верткий Валерий, тоже очкарик и тоже грамотный, «товарищ заместитель директора».

Минули десятилетия, и вот уже страна узнала настоящую цену хватким да вертким. Снова напрашивается общественный заказ на сосредоточенного Шурика. Вдруг выясняется, что он по-настоящему универсален. Чапай, пожалуй, далеко в прошлом, ибо принадлежит эпохе бури и натиска. Зато персонаж Демьяненко, являясь, возможно, первым эмблематическим героем позднеиндустриального периода (который, было дело, прервался, но есть надежда на то, что продолжится), опять становится актуальным — в органической привязке к умной и ответственной работе в общенациональных интересах.

Этому актеру выпала редкая, слишком редкая удача: стать эмблемой времени, олицетворением большой социальной задачи. Штирлиц Тихонова, Чапаев Бабочкина, Шурик Демьяненко — наверное, других столь же популярных героев сугубо кинематографического происхождения в культуре нашего двадцатого столетия нет.

Хороши и прочие фильмы с его участием. Всегда нам будут памятны храбрый юноша Митя из «Ветра», младший лейтенант Ивлев из

«Операция «Ы» и другие приключения Шурика». «Напарник», 1965

«Летучая мышь». 1978

«Мира входящему», порывистый Дима Горин с его специфической карьерой, не вернувшийся с фронта герой пронзительной ленты «Мой

добрый папа», Шестаков из «Зеленого фургона» и, конечно, десятки блистательных озвучаний в добротных отечественных и зарубежных картинах.

Человек, неизменно пробуждающий светлые чувства, провоцирующий на радостное соучастие в экранных событиях, символ советского кинематографа, звезда первой величины, — он очень смешной, но не клоун, рассеянный студент, но не двоечник, типичный очкарик, но не зануда, а в целом — наше общее достояние.

«Иван Васильевич меняет профессию». 1973

A top-down photograph of a bowl of chicken soup. The soup is in a dark, patterned bowl and contains pieces of chicken, carrots, and other vegetables in a rich, orange-brown broth. The bowl sits on a rustic wooden table. Surrounding the bowl are various ingredients: a red chili pepper, several garlic cloves, a whole onion, and a piece of white fabric. A silver spoon is partially submerged in the soup. The lighting is warm, highlighting the textures of the wood and the ingredients.

Трапезная

Где щи, тут и нас ищи

Максим Сырников

Иностранцы, приезжавшие к нам в старину, отмечали неведомый им прежде запах в русском жилище. Повсюду, от Поморья до Придонья, на Урале и далее, в крестьянских избах, купеческих домах и помещичьих усадьбах стоял «щаной дух». Аромат капустного приварка, томленного в русской печи, пропитывал дерево и кирпич, по-своему дополняя привычную картину нашего традиционного благожития.

ГОТОВИЛИСЬ щи — еще раз напомним — не только из капусты: репьяные — из квашеной или свежей репки, зеленые — из щавеля или крапивы, снитные — из молодой сныти, серые — из крошева квашеных верхних листьев капусты, постные — на грибном отваре, монастырские или валаамские — на одних бороваках. Те, что с осетровой или белужьей головизной, имеют такую историю: головы привозили зимой с Нижней Волги, в Филиппов пост это было большое подспорье для тех, кто не мог позволить себе целую рыбку. А еще есть — со снетками, белозерскими, чудскими или селигерскими.

Но самые богатые, самые праздничные и парадные — щи с разварным мясом, ветчиной или солониной. Для таких можно взять и баранину, и говядину, и свинину. Капусту — лучше квашеную, хотя подойдет и свежая, или та и другая в равных частях.

Для начала приготовим приварок. Капусту, если она излишне кислая, можно и нужно слегка отжать. Добавим к ней нарезанный полукольцами лук, польем растительным или топленым маслом и отправим в закрытой крышкой чугунной или керамической посудине в духовку. Томится приварок не меньше двух часов, время от времени надо его перемешивать,

а при необходимости — подлить немного воды. Когда цвет капусты станет коричневатым, а запах — особым, томленным, можно готовить из нее щи.

Бульон должен быть непременно насыщенным, на хорошем мясе, с кореньями. Мясу даем как следует развариться. А как разварится — вынимаем коренья, кладем в бульон приварок и томим еще около часа. Можно добавить отваренную перловку, непременно — черный перец и нарезанную зелень. Лавровый лист, семена укропа или тмина, чеснок — по желанию. А уж сметана к столу просто необходима. Как и ломоть свежего ржаного хлеба.

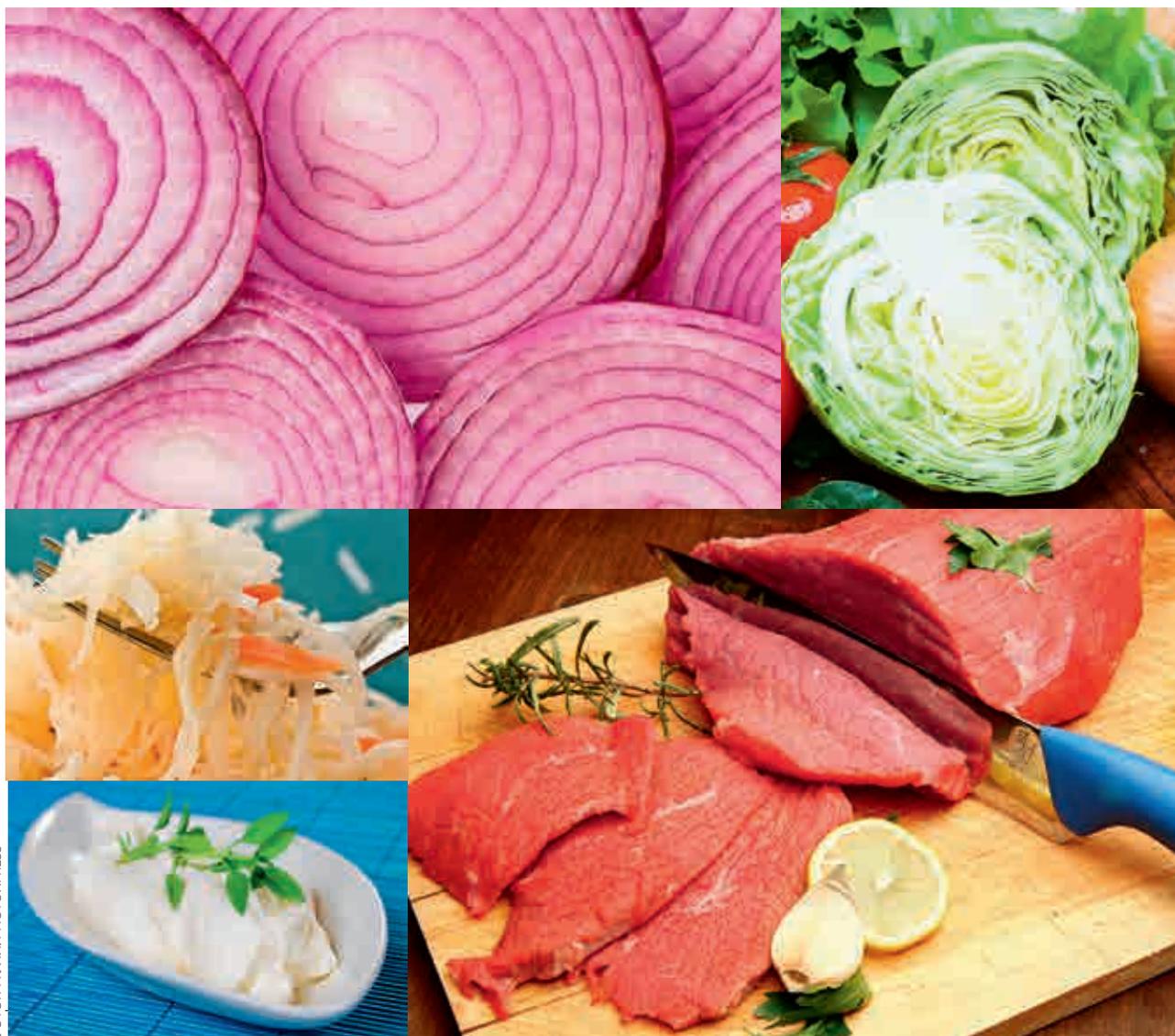

ФОТО: PHOTOPRESS

Своя

МАЙ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Бараники